

А. Н. Мминскій.

ИЗЪ РУКОПИСНЫХЪ ТЕКСТОВЪ

Г. Р. ДЕРЖАВИНА.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Россійской Академіи Наукъ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1917.

*Пушкинскому
дому*

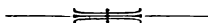
А. Н. Ильинский.

Ильинский

ИЗЪ РУКОПИСНЫХЪ ТЕКСТОВЪ

*П-Бр
28. XII. 17.*

Г. Р. ДЕРЖАВИНА.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Россійской Академіи Наукъ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1917.

Напечатано по распоряженію Россійской Академіи Наукъ.

Октябрь 1917 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности
Россійской Академіи Наукъ, т. XXII (1917 г.), кн. 1-я.

Изъ рукописныхъ текстовъ Г. Р. Державина.

Въ 1883 году закончилось изданіе сочиненій Г. Р. Державина, предпринятое Академіей Наукъ подъ ред. Я. К. Грота. Капитальный трудъ Я. К. Грота разрѣшилъ многіе вопросы Державинскаго творчества и долгое время удовлетворялъ запросамъ изученія: его слава—слава классическаго изданія¹⁾ не была поколеблена позднѣйшими публикаціями ни рукописей, ни матеріаловъ о поэтѣ.

Только въ 1892 году Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки, куда постушили матеріалы Я. К. Грота²⁾, вскрылъ нѣсколько сторонъ Гротовской работы и указалъ, что матеріалы, бывшіе у Я. К. Грота, не все использованы.

Характерны, напр., такія замѣчанія Отчета: «это..... почему-то не нашло себѣ мѣста въ Акад. изданіи Сочиненій Державина»³⁾. Много было въ Отчетѣ напечатано отрывковъ произведеній поэта⁴⁾. Въ самыхъ заголовкахъ, данныхъ Я. К. Гротомъ отдѣльнымъ собраніямъ рукописнаго матеріала, попадалась такая формулировка, которая могла вызвать недоумѣніе, какъ, напр.: «Малойнтересныя письма къ Державину отъ 1801 до 1805 включ(ительно)»⁵⁾.

1) Новый Энциклон. Словарь Бронгауза-Ефрона. Статья проф. А. С. Архангельскаго.

2) Отчетъ Имп. Публ. Библіотеки за 1892 г. СПб. 1895 г., стр. 9—117 и приложение IV.

3) *ibid.*, стр. 46.

4) *ibid.*, стр. 34, 44—48, 54—58, 60, 65—69, 73—76, 80—91, 94—96, 100—103, 105—110, 117 и приложение IV, стр. 10—30.

5) *ibid.*, стр. 20.

Это все невольно напоминало одно мѣсто «Предисловія» Я. К. Грота въ изданіи сочиненій Державина: «Для избѣжанія произвола въ выборѣ ихъ (вариантовъ) мы обыкновенно приводимъ все отличія прежнихъ печатныхъ редакцій стихотвореній.... Когда рукописи представляютъ стоящіе вниманія варианты, то они извлекаются и оттуда»¹⁾),—т. е. не исключался выборъ вариантовъ, а — другое — изученіе рукописей поэта было поставлено въ зависимость отъ субъективнаго взгляда на нихъ.

И, дѣйствительно, просмотръ вариантовъ, приведенныхъ въ изданіи Грота, показывалъ, что рукописи поэта были мало затронуты. Между тѣмъ рукописный матеріалъ—самый цѣнный для изученія писателя и его творчества: шагъ за шагомъ мы могли бы прослѣдить всю работу поэта, отмѣтить все изгибы его мысли въ моменты творчества; отдѣльныя измѣненія, въ связи съ общимъ характеромъ работы, раскрыли бы полнѣе идею произведенія въ моментъ его зарожденія, а первая редакція произведенія часто вскрываетъ такія детали, которыя при дальнѣйшей работѣ писателя исчезаютъ, а между тѣмъ онѣ характерны для выясненія и конкретныхъ фактовъ самаго возникновенія произведенія, и часто даютъ матеріалъ для сужденія о психологической его основѣ. Изученіе измѣненій первоначальной редакціи въ дальнѣйшей ея переработкѣ, раскрывая ходъ мысли поэта, можетъ возсоздать и процессъ работы, и характеръ ея.

Обозрѣть всю массу рукописей Г. Р. Державина нѣтъ возможности въ небольшой статьѣ. Я остановлюсь на нѣкоторыхъ лишь вопросахъ, связанныхъ съ рукописями поэта и изданіемъ его сочиненій, выполненнымъ Я. К. Гротомъ.

I.

Одна изъ Читалагайскихъ одъ (VIII) Державина посвящена дѣятельности Императрицы Екатерины, съ именемъ которой часто связывается и слава Державина-поэта, именемъ которой часто опредѣляется и сущность его поэзіи.

1) Соч. Державина, подъ ред. Я. Грота, т. I (СПБ. 1864), стр. XXVII.

Восьмая Читалагайская ода въ изданіи Грота озаглавлена «Ода на день рожденія Ея Величества, сочиненная во время войны и бунта 1774 года»¹⁾).

Я. К. Гротъ напечаталъ это произведеніе по изданію Читалагайскихъ одъ 1776 года. Но и онъ оговорился, что «эта ода, въ сохранившейся первоначальной рукописи, состоитъ изъ гораздо большаго числа строфъ нежели въ книжкѣ Читалагайскихъ одъ»²⁾. Возстановливаемая имъ въ примѣчаніяхъ первоначальная редакція къ 17 строфамъ (по 10 стиховъ) оды даетъ еще 11 строфъ, т. е. первоначально въ одѣ было 28 строфъ.

Порядокъ строфъ первоначальной редакціи былъ нѣсколько иной сравнительно съ печатнымъ текстомъ. Онъ представляется въ такомъ видѣ (обозначая порядокъ печатной редакціи—римскими цифрами, а первоначальной—арабскими): первые 11 строфъ въ той и другой редакціи совпадаютъ. Послѣ XI строфы въ рукописи слѣдуютъ 12—21, внесенныя Гротомъ въ примѣчанія³⁾. Далѣе: XII—соответствуетъ 22; XIII—23-й; XIV строфа въ рукописи занимаетъ 27-е мѣсто; XV строфа—28—; XVI—24; XVII—26; 25-я строфа рукописи не вошла въ печатную редакцію, —у Грота она въ примѣчаніи. Такого распорядка строфъ мы у Грота не находимъ, и первоначальная редакція въ его передачѣ совершенно теряется.

Просматривая рукописи Державина, мы убѣждаемся, что эта ода имѣетъ и еще одну рукописную редакцію, о которой Гротъ ничего не говоритъ. Эта 2-я рукописная редакція озаглавлена: «Ода на день рожденія Ея Императорскаго Величества, сочиненная во время войны съ турками и междоусобной брани 1774 года 21 апрѣля». Послѣдняя рукопись даетъ много новыхъ варіантовъ къ печатной редакціи, къ I—XVI строфамъ (XVII строфы въ рукописи нѣтъ), по плану же вполне совпадаетъ съ печатной. Эти варіанты я приведу въ соответствующихъ частяхъ печатной редакціи.

1) Гротъ, т. III (1866 г.) стр. 269—310. Указанная ода на стр. 302—310.

2) Ibid., стр. 302.

3) Ibid., стр. 305—308. Примѣчаніе.

4) Ibid., стр. 309, примѣч. IV.

Печатная редакція оды ясна. Ликвидированъ былъ Пугачевскій бунтъ (начало 1775 г.), еще раньше кончилась (1773) война съ Польшей, заключенъ былъ миръ съ Турціей (1774). Послѣ почти семилѣтняго военнаго періода (1768—1774) хотѣлось, чтобы вниманіе правительства было обращено на внутреннее устроеніе, пошатнувшееся въ эпоху Пугачевщины. Невольно вспоминалось начатое до войны, — такіе факты, какъ генеральное межеваніе (1765), пересмотръ «Уложенія» (1767); вспоминались и заботы о благѣ подданныхъ — забота объ оспопрививаніи (1768), обѣщаніе амнистіи бѣглымъ, учрежденіе воспитательныхъ домовъ (1764; 1770), женскаго института (1764) и т. д. Хотѣлось опять возвратиться къ этимъ временамъ, и поэтъ выясняетъ все значеніе войны и указываетъ на преимущества мира для жизни государства.

Трудна, конечно, задача передать содержаніе оды XVIII вѣка. Поэтъ — восхищенный образомъ, — «полеты стрѣлъ предускоряя» своею мыслью дерзалъ, стремился и несся. Его взоръ былъ весь обращенъ къ будущему, и герой всегда подавалъ надежду,

Чтобъ милость намъ являти
И часъ потеряннымъ считати
Безъ милосердіевъ твоихъ.

Въ прошломъ героя поэтъ восхищенно видитъ лишь побѣды, доброты, щедроты, — и каждый новый годъ жизни героя — лишь новый путь блистать лучамъ, —

Тебѣ въ безсмертіе стремиться,
Еще превыше возноситься
Съ тобою восходить и намъ¹⁾).

1) Строфа I. Варианты 2-й рукописи:

ст. 4—10. Кромѣ побѣдъ, кромѣ щедротъ
Кромѣ бросать въ враговъ чтобъ (*стрѣлы) громы
Спасать свои (*отъ золь предѣлы)
отъ злобы домы
Щитать безъ благъ (*мѣчтою) дни
(*въ ничто)
пропащи

Любовь и удивленье свѣта:
Что Петръ прииялъ, Елизавета
Въ Екатеринѣ всѣ они.

И въ годину бѣдствій поэтъ мечтаетъ о временахъ кроткихъ и мирныхъ. Сидя въ Читалагаѣ—въ яры дни теперъ вздыхая,

Дней прошлыхъ кротость вспомяна,
Ужель не ждать ихъ вспять съ небесъ¹⁾.

Образъ героя великъ не въ блескѣ военной славы и побѣдъ. О немъ можетъ повѣдать поэту лишь «благодѣтельный князь планетъ»²⁾,

Веществъ чувствительныхъ живитель
Цвѣтовъ, весны, зарей родитель
Свѣтило, лююще душу въ свѣтъ³⁾.

1) Строфа II. Варіанты 2-й рукописи:

ст. 2—10. Душѣ великой возноситься

(* во храмъ безсмертія стремиться).

Тебѣ въ безсмертіе стремиться

(* И съ нею славится и намъ)

Съ тобой прославится и намъ

Чѣмъ вѣтры крепче ударяють

Тѣмъ волны выше поднимають

Корабль изъ бездны до небесъ

(* Не вѣчно въ бѣдствахъ погребатся)

Не будемъ въ злобѣ мы сражаться

Мы скоро будемъ наслаждаться

Твоихъ, монархиня, чудесъ.

2) Строфа III. Варіанты 2-й рукописи:

ст. 1—10. Младая муза ободришь

(* И крыла ярки простирая)

И Эврѣ какъ крыла простирая

Какъ изъ луки стрела свѣркая

На высоту стремись, несись

И тамъ во (* красотѣ чудесной)

свѣтлости прекрасной

(* Гдѣ вы не измѣримости небесной)

Небесъ въ равнинѣ ясной

(* свой солнцѣ обращаетъ взоръ)

Гдѣ солнцѣ свой вращаетъ взоръ

И видитъ бездны подъ собою

(* оставови его) рукою

Ты удержи его

(* по верхъ) среди пловущихъ синихъ горъ.

3) Строфа IV. Варіанты 2-й рукописи:

ст. 1—4. Здержи и рцы: (Монархъ) О, царь планѣтъ

(* о, тварей всѣхъ)

И оно покажетъ такія доброты героя, что сынъ Латоны устыдится своей дѣятельности предъ дѣятельностью героя и скроется на своей колесницѣ въ Понтъ ¹⁾

Героя можно сравнить съ солнцемъ:

Мы въ солнца чинъ тебя бѣ вмѣстили,
Поставя правдой вымысль сей»—

но это не отождествленіе съ солнцемъ, какъ дѣлають пораженные дикари, не обоготвореніе героя, — а лишь признаніе его заслугъ, выясненіе ихъ путемъ сравненія, — ибо

Тобою паче просвѣщенны
Мы баснями тебя не чтимъ,
А если къ онимъ прибѣгаемъ,
Живѣй лишь мысль представить чаемъ,
Въ тебѣ его что образъ зримъ ²⁾

Въ представленіи поэта герой, дѣйствительно, былъ «росскій свѣтъ»:

вселенной всей благотворитель
Зарей, вѣсны, цвѣтовъ родитель
Свѣтильникъ, жизнь, душа и свѣтъ
ст. 10. Что свѣтитъ намъ въ нощи?—Вѣщай!

1) Строфа V. Варіанты 2-й рукописи:

ст. 1. Какъ въ горнѣ повѣрженный халкидъ
Латонинъ свѣтлый сынъ зардѣлся
въ лицѣ румянцемъ (*раз) загорѣлся
И свой сокрыть желая стыдъ
бьетъ пламенныхъ коней возжами
И гонитъ ихъ черезъ горизонтъ
Пусться съ горы высокой юга
Небѣсной сферы черезъ полкруга
Онъ разъ скакнулъ и скрылся въ Понтъ.

2) Строфа VI. Варіанты 2-й рукописи:

ст. 2—6. По днесь монархія мы жили
(*Тебя бѣ мы солнца въ чинъ вмѣстили) — оставлена печатная ред.
Почтя за правду вымысль сей
Но ставши Ольгой (*освященны) просвѣщенны
(*Петромъ тобою просвѣщенны)
ст. 10. въ тебѣ (*его что) что солнца образъ чтимъ.

Ты намъ премудростью сіяешь,
И ею тамъ ты озаряешь,
Гдѣ съ мракомъ ледь борьбу ведетъ ¹⁾).

Имя героя— гарантія правильнаго пути въ развитіи россовъ; его доброты— «охраненіе отъ всѣхъ намъ золъ въ странѣ твоей» ²⁾). Какъ солнце одинаково свѣтитъ и питаетъ всѣхъ и всяку плоть живить собою,

Такъ ты героевъ награждаешь
И купно бѣднымъ помогаешь
Во воспитаньи оныхъ чадъ
Торги, художества, науки,
За милости воздѣвши руки,
Тебя одну благодарятъ ³⁾),

1) Строфа VII. Варіанты 2-й рукописи:

- ст. 2—7 висить сей въ воздухѣ надъ нами
Дабы (*огнистыми реками)..... огнями
Земныхъ онъ былъ лампадой странъ
И ты подобно такъ въ коронѣ
На благолѣпномъ царскомъ тронѣ
Екатерина россовъ свѣтъ
ст. 9—10 И ею тамъ намъ озаряешь,
Гдѣ съ хладомъ тьма борьбу ведетъ.

2) Строфа VIII. Варіанты 2-й рукописи:

- ст. 1—4 Любезный царь, какъ блещетъ ссй,
Какъ зримъ его передъ очами.
Мы не смятенными стопами
Идемъ средь видимыхъ путѣй.
ст. 6—10 Твоя намъ кротость просвѣщенье
Ты намъ зеркало въ жизни сей
Законы самой казнью злою
Намъ не вѣдутъ гражданъ къ покою
Какъ нравы добрыя царей.

3) Строфа IX. Варіанты 2-й рукописи:

- ст. 2. Оно плоды произращаетъ
— 3 (*богатыхъ съ скудными питаетъ)
(*вездѣ всѣхъ тварей наставляетъ)
Повсюду тварей наставляетъ
— 6 (*И слабымъ въ бѣдствахъ помогаешь)
— 7 Питасшь и (*блюдешь) хранишь ихъ чадъ
— 10. Одну тебя благодарятъ.

восхищенно восклицаетъ поэтъ, созерцая наиболѣе крупныя, просвѣтительныя реформы Екатерины (см. выше). Вспоминая ея проэктъ воспитательныхъ домовъ, онъ и въ этомъ находитъ общее съ солнцемъ.

Оно обиліемъ лучей
Ползущихъ тварей оживляетъ,
Твоя рука намъ поднимаетъ
Изъ пыли верженныхъ дѣтей.

Самъ вынесшій всю тяготу бѣдности въ дѣтствѣ, поэтъ особенно цѣнитъ эти заботы Императрицы. Это высшая ступень ея благодѣяній, и памятникъ имъ—выше возможнаго для человѣка:

На зданья зданья все мѣмфиски
Тебѣ поставимъ въobeliski,—
Благодаренья малъ то знакъ¹⁾.

У такого героя не можетъ быть выбора между войной и миромъ. Для него война лишь необходимость защищаться отъ нападенія, но она мѣшаетъ проливать свѣтъ, «дни ясны продолжати»,—и только

Въ завидшихъ нашему покою
Побѣдоносною войною
Перунъ и ты пустила свой²⁾

1) Строфа X. Варианты 2-й рукописи:

ст. 3—4: равно изъ праха поднимаетъ (?)

Твои щедроты намъ дѣтей

— 6—10. Хоть россъ вознесъ бы въobeliski

(*Тебѣ воздать..... не могъ)

Тебѣ съ тѣмъ (*онъ) заплатить не могъ

(*Про)возносятся горы исполины

а человѣка взя(ть) въ изъ глины

(*и оживить лишь можетъ Богъ)

(*одинъ лишь оживляетъ Богъ)

И духъ въ него вдохнуть могъ богъ.

2) Строфа XI. Варианты 2-й рукописи:

ст. 1—10. Какъ черныхъ тучъ густится сонмъ

И тьмою солнце покрываетъ

Оно зубчато(й тутъ)ю свѣркаетъ

(*Стрелой межъ тучъ)

Сквозь тучъ стрелой и мѣщеть громъ

И перунъ героя приводитъ въ ужасъ враговъ. Ихъ сражаетъ одинъ слухъ о полкахъ героя, «доколь въ нихъ молніи летаютъ», и враги исчезнутъ изъ памяти потомства, ибо помогаетъ герою самъ Богъ¹⁾).

Но начавши войну въ силу необходимости, герой не ставитъ своей задачей уничтоженіе. Благодѣтельный, какъ лучъ солнца, герой ко всѣмъ одинаково милосердъ:

Такъ ты всѣмъ мать равна буди.

Враги, монархиня, тѣжь люди:

Ударь еще и разжени,

Но съ тѣмъ, чтобъ милость къ нимъ пролити²⁾

На зависть нашего покою
Побѣдоносною рукою
И ты перунъ бросаешь свой
Ужъ на босфорскія предѣлы
(*Градъ) и бомбъ и ядръ и жупла стрѣлы
Какъ (дождь) градъ падеть съ небѣсь густой.

1) Строфа XII. Варианты 2-й рукописи:

ст. 1 (И шумъ) гамъ-крикъ когда въ лѣсахъ ловцовъ

— 3 Такъ слухъ одинъ срадинъ сражаетъ

ст. 5—10: вездѣ ихъ россы достигаютъ

Они и то въ триумфъ считаютъ

Коль бѣгствомъ гдѣ, ихъ жизнь спасутъ

Господь твоей помощникъ воля

И море и земля ихъ болѣ

не носить и съ себя трясутъ.

2) Строфы XIII и XIV во 2-й рукописи имѣютъ двѣ редакціи. Эти строфы сначала были зачеркнуты и уже послѣ написаны заново съ небольшими измѣненіями. Зачеркнутая редакція строфы XIII:

ст. 1—10: (*Но царь планетъ какъ)

Когда же солнцѣ бурныхъ тучъ

(*огнемъ утробу разсѣкаетъ

Лучемъ..... разверзаетъ

Желанны дождь (тѣмъ) намъ проливаетъ

Журчить съ высотъ сребристый ключъ

И ты такъ милосердна будешь

враговъ навѣты позабудешь

И (зло) вредъ добромъ вознаградишь

(*Когда гордыни)

И злость и гордость не упорны

Коль будутъ предъ тобой покорны

Ты жизнь и виннымъ подарись.

И своимъ великодушiемъ герой побѣдитъ зло:

Тогда борей зефиромъ будетъ
Злодѣйство злоствовать забудетъ
Сокроетъ зависть ядъ въ себѣ,—мечтаетъ

поэтъ, едва ли подъ влiянiемъ того, что ему пришлось видѣть, близко соприкасаясь съ руководителями усмиренiя Пугачевского бунта¹⁾.

И поэту рисуется, что на землѣ наступитъ вѣчный миръ, ибо героя «кратчайшая природа»

Утѣшить всѣ страны народа,
Коль будетъ въ власти все твоей²⁾. Онь мечтаетъ:

Исправленная редакцiя, сравнительно съ предыдущей, имѣетъ варианты:

- ст. 2 лучами (*утробу) мракъ разсекаетъ
- 5 И ты столь милосердный будешь
- 6 (*навѣты вражи позабудешь)
Какъ мать на весь вредъ зришь
- 7 вреды добромъ вознаградишь
- 8 сколь гордость съ злобой не упорны
- 9 но будутъ лишь тебѣ покорны.

1) Строфа XIV. Зачеркнутая редакцiя 2-й рукописи:

- ст. 1—4 Ущедришь всѣхъ твоей рукой
Покроешь орлими крылами
Златыми ошастливишь днями
(*Полсвѣта ублажишь тобой
(*весь мiръ возвеселишь тобой)
Полсвѣта ублажишь тобой
- ст. 6 (Злодѣйство злобу позабудетъ)
Коварство козни позабудетъ
- 7. Извергнетъ ядъ свой изъ себя
Злость ядъ извергнетъ изъ себя
- 10 (судить) владеть учится у тебя.

Исправленная редакцiя, сравнительно съ предшествующей, имѣетъ варианты:

- ст. 1. Ущедришь насъ твоей рукой
- 2 Покроешь благи лучами
- 7 Злость ядъ извержетъ изъ себя.

2) Строфа XV. Во 2-й рукописи варианты:

- ст. 3. не будутъ выть надъ мертвцами
- 5 не будутъ (*жатвы) классы изторженны
- 7 (*не пролетѣтъ разбойникъ кровь)
- — Не пролетѣтъ мечъ нашу кровь

Тогда ни вранъ на трупъ жить,
Ни волки течь къ тѣламъ стадами
Не будутъ, насыщаясь нами,
За снѣдь царей благодарить
Не будутъ жатвы поплѣненны
Не будутъ села поपालенны
Не проліетъ Пугачевъ кровей

И нельзя примириться мыслью съ войной. Хаосъ человѣческихъ отношеній въ періодъ войны не можетъ быть допустимымъ въ людскомъ обществѣ.

Ужель на сей одинъ конецъ
Всѣ твари только и созданны,
Вели чтобъ брани непрестанны?— 1)

И онъ обращается къ Творцу—«Богу благъ, щедротъ отцу:»—

Пельзяль изъ хаоса злосчастьевъ
Намъ свѣтъ тебѣ содѣлать счастье
И слезы наши отереть?

Творецъ можетъ это сдѣлать, поставивъ владычествовать надъ міромъ того, кто благъ. Такова Екатерина:

-
- 9 Увеселитъ сердца народа
 - 10 *утѣшитъ миръ ихъ и любовь
 - вѣщаетъ миръ всѣмъ и любовь.

Въ такой редакціи строфа вся перечеркнута, но исправленной редакціи нѣтъ. Оставлено только мѣсто (въ началѣ слѣдующаго столбца) для этой строфы:

1) Строфа XVI. Во 2-й рукописи варианты:

- ст. 2. Живутъ лишь только человѣки
- 3 Чтобъ брань вели съ собой во вѣки
- 4 *О богъ отецъ блаженствъ творецъ
- О богъ и царь, утѣхъ отецъ
- 5. Не можноть изъ..... железны
- 6 Какъ здѣлать райски дни блаженны
- 7 и слезы наши отереть
- 8 и даждь да царствуетъ одина.

Ея и благъ и кротокъ духъ:
Пришельцевъ съвнью та покрыла,
Отъ казни винныхъ свободила,
Она намъ щить отъ сильныхъ рукъ.

И кромѣ нея никто не можетъ осуществить счастье на землѣ.

Кого жъ, кромѣ ея, Содѣтель,
Твою прославить добродѣтель
Пошлешь къ исправѣ ты людей? ¹⁾

Тенденція оды ясна: Образъ Екатерины не цѣль произведенія, а лишь средство. Онъ лишь воплощаетъ въ себѣ мысли и думы поэта, навѣяныя современнымъ состояніемъ государства.

Это особенно обрисуется ярко, когда мы эту редакцію сопоставимъ съ данными рукописей, особенно съ первоначальной редакціей оды, написанной въ Читалагаѣ въ 1774 году.

Строфы I—II первоначальной редакціи оды, какъ указано было, совпадаютъ съ печатной редакціей. Но и въ нихъ мы найдемъ рядъ вариантовъ, иногда характерныхъ.

Общее отлічіе первоначальной редакціи можно опредѣлить, какъ болѣшую ея конкретность, сравнительно съ печатной. Уже въ 1-й строфѣ мы встрѣчаемся съ отдѣльными штрихами въ этой плоскости. Такъ, ст. 8—10 въ рукописи читаются:

«въ векахъ богиня недождаться
въ двенадцать лѣтъ чѣмъ наслаждаться
могли мы от даровъ твоихъ».

И въ этой редакціи стихи непосредственно примыкаютъ къ ст. 4—6 и являются ихъ продолженіемъ—и продолженіемъ болѣе понятнымъ и опредѣленнымъ, болѣе конкретнымъ для современника, чѣмъ слова печатной редакціи, заключающія неопредѣленную ссылку на дѣятельность Петра и Елизаветы.

1) Строфа XVII. Во 2-й рукописи этой строфы нѣтъ.

Въ этомъ же смыслѣ измѣняется и бѣльшая часть 2-й строфы. Въ рукописи мы читаемъ:

«Твой каждый день есть праздникъ намъ
По днямъ драгимъ се путь катится
Еще тобой намъ веселиться
Еще вноситься к облакамъ
Дни прошли зря Екатерина
Не будетъ ли и сей средина
Твой новый годъ намъ благу небесъ.

Здѣсь сразу чувствуется современникъ, воспринимающій факты пережитаго имъ времени. Его мысль еще не отошла въ область исторіи, въ силу чего нѣтъ у него сравненій съ предшественниками героя, но предъ нимъ ярко встаютъ прошлые дни даннаго царствованія. Нѣтъ еще и торжественнаго тона — здѣсь все просто и жизненно. Если что придется отмѣтить, какъ новую черту въ печатной редакціи,—это ст. 5 II стр. «но въ яры дни теперь вздыхая». Въ рукописной редакціи этотъ намекъ на современное состояніе государства выраженъ въ менѣе опредѣленной формѣ ст. 5—7. Но и это понятно. Поэтъ пока говоритъ о прошломъ и настоящее считаетъ лишь серединой бывшихъ и будущихъ благъ. И это прошлое рисуется ему конкретно въ тѣхъ событіяхъ, которыми характеризовались 12 лѣтъ царствованія Императрицы.

Конкретность представленія сказывается и въ болѣе умѣренныхъ сравненіяхъ героя. Герой не сравнивается, какъ въ печатной редакціи (стр. IV), съ солнцемъ. Въ рукописи ст. 9—10 стр. 4-й читаются:

Равенъ ли свету ты другому
Кемъ светель Нордъ?

И сравненіе не съ солнцемъ, а съ исходящимъ отъ него свѣтомъ, кромѣ естественности, болѣе соответствуетъ и отдѣльнымъ частямъ дальнѣйшаго изложенія. Оно болѣе соответствуетъ ст. 3 стр. VI (6):

«Мы бь солнца въ чинъ тебя вмѣстили»,

кстати—и лучше выраженному въ рукописной редакціи. Иначе получится то представленіе о героѣ, о которомъ авторъ говоритъ, какъ ти-

пичномъ для дикарей. Болѣе также это сравненіе соотвѣтствуетъ и строфамъ 7—9 (VII—IX), гдѣ дѣятельность Екатерины сравнивается съ дѣйствіемъ «свѣта», а въ ст. 7 стр. 7 (VII) она и прямо называется: «россовъ свѣтъ». Конкретнѣе это видно изъ ст. 6 стр. 6. Въ рукописи 6-й стихъ читается: «Петромъ тобою просвѣщенны», а не «тобою паче». — Последнее слишкомъ неопредѣленно и во всякомъ случаѣ менѣе ясно здѣсь слово «паче», нежели конкретное сравненіе съ заботами Петра о просвѣщеніи, — и имя Петра въ этомъ сочетаніи болѣе конкретизируетъ заслуги героя, нежели въ печатной редакціи, гдѣ оно отнесено въ I строфу безъ намека на опредѣленную сторону дѣятельности¹⁾.

Но «завидшіе нашему покою» помѣшали «свѣту россовъ» проливать благодѣянія. И чтобы «дни ясны продолжати», «Перунъ и ты пустила свой» (стр. XI). — И далѣе поэтъ подробно останавливается на войнѣ. Отдѣльными эпизодами войны посвящены строфы 12—24. Въ нихъ ярко сказывается современникъ событій, чувствомъ своимъ переживающій моментъ побѣдоносной войны:

Въ сей вѣсти радость умножая,
Громчай воскликнуть: съ нами Богъ!

1) Въ этихъ строфахъ мы находимъ въ рукописи и еще рядъ вариантовъ:

строфа 2-я—ст.	9:	И можноль россу удержаться
— 3-я—	6—7:	коней въ размахѣ светод(з?)арномъ
		Приближа орли къ солнцу взоръ
	— 10	Пловущихъ синихъ тонкихъ горъ.
— 4-я—	— 2	веществъ чувствительныхъ сливатель
— 5-я—	— 3.	Краснѣеть, рдѣеть знойнѣ тлится
	— 5	Тряся блестящими кудрями
	— 10	Онъ разъ скокнулъ и скрылся въ Понтъ
	— 6	Флегоновъ бьетъ скорей вожжами
	— 8	до запада отъ дальна юга
— 6	— 9	живей темъ мысль представить чаемъ
— 9	— 5	такъ ты вельможей ущедряешь
строфа 10	ст. 3	твоя рука намъ воскрешаетъ
	— 7	но будетъ то какъ власть путня
	— 10	лишь только создалъ Богъ одинъ.
— 11	— 3	оно, чтобы ведро продолжати
	9—10	Летятъ во вражески пределы
		Стесняясь какъ искоръ градъ густой.

Срацины, знайте, покайтесь.....
Сотремъ, сразимъ, вашъ свержемъ рогъ! ¹⁾

И идутъ варіаціи на эту тему. Восторженный поэтъ въ Россахъ видитъ, подъ вліяніемъ фактовъ войны, образъ сказачнаго богатыря:

Но въ Россѣ каждомъ вижу гору:
Сперва стоитъ, недвижно ждетъ,
Потомъ несется, подавляетъ
И пыль лишь только оставляетъ
Вослѣдъ себя, гдѣ ихъ сотретъ ²⁾).

Предъ этой горой все повергается: и матерый дубъ, и кедръ, что твердостью гордится, и лѣсъ, за нимъ стоящъ. Гора сотрясаетъ въ прахъ гордыя Бендеры, — отъ страха Крымъ весь упадаетъ и т. д. Здѣсь уже нѣтъ того умѣренно-снисходительнаго отношенія къ врагамъ, что мы находимъ въ печатной редакціи: слышится угроза «стереть», «свергнуть рогъ», что и естественно для момента подъема въ періодъ увлеченія военной славой. Самый образъ богатыря—Росса складывается на почвѣ этого психологическаго момента,—и послѣ Державинъ его создастъ сильно и сжато въ образѣ богатыря Суворова ³⁾. Но это все подскажетъ моментъ, блестящій эффектъ войны, поражающій умъ своимъ блескомъ, какъ въ данномъ случаѣ—подвиги Румянцева и Орлова, которымъ поэтъ посвящаетъ строфы—17—21 ⁴⁾. А отдѣльные факты заслоняютъ собою и образъ героя оды. На самомъ дѣлѣ,—строфы 12—21 рукописной редакціи ничего не прибавляютъ къ характеристикѣ Екатерины—онѣ лишь вставочная часть, подсказанная событіями, онѣ удлиняютъ произведение лишними деталями, тѣмъ болѣе что общія ихъ мысли повторяются въ дальнѣйшихъ строфахъ оды. Понятно, что при переработкѣ оды эта вставочная часть совершенно исключается.

1) Гротъ, т. III, стр. 305—306.

2) Ibid., стр. 306, строфа 14.

3) На взятіе Варшавы 1794 г. I (1864), стр. 642. Ср. «На взятіе Изаила» 1790 г., т. I, стр. 341—361.

4) Гротъ, т. III, стр. 307—308.

По въ данной редакціи эти строфы имѣли вліяніе на дальнѣйшую разработку оды.

Послѣ указанія на военную, всесокрушающую мощь Россіи, на подвиги Румянцева и Орлова былъ естествененъ переходъ къ строфѣ 22 (XII), но она имѣла нѣсколько иной оттѣнокъ, нежели въ печатной редакціи. Страхъ враговъ не результатъ лишь негодованія героя оды, — этотъ страхъ основывался на реальныхъ фактахъ войны, — силѣ оружія и отношеніи къ врагамъ героя. Герой представляется уже метящимъ,

«Ещель въ нихъ стрелы въ мечь летаютъ, — черта характера, чуждая благодѣтельному герою печатной редакціи, гдѣ о мести не упоминается («молніи летаютъ» — XII). Эта мысль отражалась и на дальнѣйшемъ изложеніи: — картина природы, нарисованная въ слѣдующей строфѣ — 23 (XIII), — изображена мрачными красками, и борьба героя представлялась поэту жестокой. Тучи, закрывающія собою благодѣтельный свѣтъ солнца не просто «жирныя», — но

«скопы мрачныхъ черныхъ тучъ», какъ мы читаемъ въ рукописи, возстали на героя, и герой, — мстящій, — въ борьбѣ съ ними подобенъ вздутому пламени:

«Какъ вздуто пламя прорываетъ (ст. 3). Даже глаголь въ этой фразѣ подчеркиваетъ мысль поэта, оттѣняя болѣе рѣшительное дѣйствіе, нежели въ печатной редакціи: «разрываетъ». И конечно, о кротости духа героя говорить не приходится (XVII). Напротивъ — поэтъ говоритъ лишь о твердости, мудрости героя (18) — той мудрости, которая можетъ удержать отъ войны, гдѣ люди несутъ съ собою смерть, разрушеніе, ненависть другъ къ другу, — развитію каковой мысли онъ и посвящаетъ строфу 24 (XVI), высказывая здѣсь свое негодованіе по поводу войны, нарушающей основные законы человѣческихъ отношеній. На самомъ дѣлѣ:

ни тигры тигровъ не терзаютъ
ни львы на львовъ не нападаютъ
себя губить лишь чловѣкъ, — и возможенъ

вопросъ, — можетъ быть подсказанный событіями (Пугачевскій бунтъ): —

На толь, на толь сей только свѣтъ,
Чтобъ жили въ немъ рабы тираны,
Другъ друга варварствомъ попраны?—

Но опять эти рѣзко выраженные мысли,—выраженные подъ вліяніемъ момента,—въ дальнѣйшей работѣ исчезаютъ. Вся строфа—25—поэтомъ опускается. Онъ довольствуется лишь намеками на ея мысли въ строфахъ XV и XVI, повтореніемъ которыхъ опущенная строфа и является въ первой редакціи ¹⁾).

Но въ первой редакціи она была необходима, какъ усиленіе мысли о благодѣтельныхъ дѣяніяхъ героя, чему посвящено начало строфы 26 (XVII). Строфа 25 давала поэту возможность прибѣгнуть къ тому приему, каковой является характернымъ для Державина,—къ приему рѣзкихъ противоположностей: человекъ самъ себѣ «врагъ первостепенный»,—тѣмъ бѣльшая заслуга героя, своею мудростью, состраданіемъ являющагося идеаломъ:

Утерла слезы ты вдовицѣ
пришельцевъ сенію покрыла
отъ казни винныхъ свободила
детей своихъ ты щить границъ—указываетъ

поэтъ, опять не безъ намека на свое дѣтство (ср. стр. 10). И поэтъ признаетъ, что только она одна можетъ владѣть людьми:

ково жъ кроме тебя царица
облечь всемирно багряница
должна къ владычеству людей?

Отвѣтъ ясенъ. Поэтъ отвѣчаетъ на него не обращеніемъ къ Богу, какъ въ печатной редакціи, а обращеніемъ къ самому герою, призывая его удвоить свою грозную силу и тѣмъ спасти вселенную (стр. 26—XVII). Опять логическое положеніе мысли о твердости характера, исключавшей кротость. Подъ угрозой грома смолкнуть все ухищренія зла. Зло

1) Гротъ Ibid., стр. 309 примѣчаніе 4-е.

рисуется поэту въ иныхъ чертахъ, чѣмъ въ печатной (стр. XIV) редакціи, — въ чертахъ болѣе конкретныхъ — и опять подъ вліяніемъ событій (войны, Пугачевского бунта). Эта строфа — 27 — у Я. К. Грота не приведена, хотя съ замѣняющей ея строфой XIV она ничего почти общаго не имѣетъ. Будущая жизнь рисуется поэту такъ:

Тогда.....¹⁾
для угрызенья жизни своея
не будетъ лютая змея
на смерть не вымыслить машинъ
Баты(й) не придетъ жертвъ топтати
не должны будемъ защищати
мы оныхъ кровью отъ него
скандеръ разбойникъ станетъ мыслить
себя въ могилѣ той же числить
что рыль для трупа мосво.

Въ зависимости отъ этой картины и строфа 28 (XV) дана въ выраженіяхъ, усиливающихся ужасы войны. Врагъ живетъ не у трупа, а «у крови», благодаря царей «за кормъ». Характеренъ очень конецъ оды. Ужасы войны представляются поэту не какъ ужасы социальныхъ бѣдствій, а въ смыслѣ горя отдѣльныхъ личностей, съ чѣмъ, конечно, въ періодъ войны Державину больше приходилось встрѣчаться во время своего участія въ усмирении Пугачевского бунта. Это бѣдствіе прежде всего ему рисуется, какъ горе матери, оплакивающей своего сына:

тогда лишенная мать сына
рожденного у ней едина
разстерзана не будетъ зрять
въ слезахъ въ тоскѣ неизлеченной
сокровищъ мало въ сей вселенной
его утрату наградить.

1) Первая строка трудно поддается уясненію, можетъ быть, въ силу переписи; ее можно прочесть:

«тогда червь тленъ несчинка тинь».

Это тотъ послѣдній аккордъ, который даетъ возможность сразу уяснить характеръ и строй всего произведенія. Онъ, завершая, воплѣтъ гармонизируетъ и съ началомъ произведенія и съ отпущенными послѣ строфами. Предъ нами—цѣльное, объединенное впечатлѣніями войны, произведеніе ¹⁾). Его литературная обработка далеко не на высотѣ предъявляемыхъ къ стихамъ требованій. А между тѣмъ, какъ характерны для Державина эти уничтоженные имъ послѣ черточки. Въ нихъ онъ чувствуется со всеми своими особенностями—и со своей конкретной мыслью, съ вниманіемъ къ тому, что его окружаетъ въ данный моментъ, съ жизненной основой своихъ образовъ, не укладывающихся въ выработанныя рамки высокаго стиля, съ умѣніемъ жизненно соединить образъ своего героя съ абстрактными понятіями—и со всеми особенностями мысли и стиля: найдемъ и рѣзкія противоположенія, при торжественномъ общемъ стилѣ самыя обыденныя слова. Произведеніе, правда, обширно, растянуто, но едва-ли можно поставить это ему въ вину, какъ и конкретность, жизненность образовъ.

«Читалагайскія оды» написаны поэтомъ въ 1774—75 г.г., когда ему приходилось, какъ непосредственному участнику, жить походной жизнью, переносить все тяготы,—правда, внутренней, по принявшей все характерныя черты войны,—борьбы. А война, въ сознаніи участниковъ, не можетъ быть историческимъ обобщеннымъ событіемъ,—она представляется лишь въ конкретныхъ, часто разрозненныхъ фактахъ; ея бѣдствія—еще не бѣдствія массы народной въ цѣломъ, а горе отдѣльныхъ личностей. Свидѣтель наводненія въ Петербургѣ—герой поэмы «Мѣдный всадникъ»—переживаетъ его не какъ общественное бѣдствіе, а какъ свое личное горе. Понятно воплѣтъ то конкретное представленіе войны, какое мы находимъ въ первоначальной редакціи оды Державина (стр. 17—21); понятно представленіе о ея бѣдствіяхъ, какъ о горѣ:

1) Кромѣ приведенныхъ вариантовъ въ рукописи къ строфамъ XII—XVII есть варианты. Приведу ихъ:

строфа XIII ст. 3—4 Желанный дождь всеѣмъ проливаетъ.

Ударъ ихъ полкъ и разжени.

строфа XIV ст. 2—лишь только люди и созданны

— 6 намъ светъ тебѣ создати счастье въ.

отдѣльныхъ личностей (стр. 28)—въ образѣ матери, плачущей надъ своимъ сыномъ: вѣдь, и мать Державина была потерпѣвшей за время Пугачевского бунта¹⁾. Какъ участникъ борьбы, свидѣтель ея ужасовъ, современникъ другой, болѣе сложной, войны, только что пережитой (миръ съ Турціей—1774 г.), Державинъ еще не могъ философски объять войну, какъ цѣлое, участь ея государственную и моральную цѣнность. Она представлялась какъ отдѣльные акты подвиговъ, геройства (стр. 13, 15, 17, 21). Естественно, конечно, увлеченіе въ эту сторону оцѣнки событій (стр. 12, 14—16), что мы находимъ въ первоначальной редакціи. Отдѣльные эпизоды, подвиги геройства заслоняютъ собою общій ходъ событій, мѣшаютъ и оцѣнкѣ ихъ: они слишкомъ импонируютъ воображенію, слишкомъ сильно воспринимаются и кажутся дорогими современнику. О нихъ онъ и разкажетъ, не заботясь о томъ, что они удлиняютъ его разказъ, нѣсколько отвлекутъ отъ хода основной мысли. Съ этой точки зрѣнія понятенъ и взглядъ, допускающій отступленія во время войны отъ принциповъ гуманности. Война допускаетъ жестокость, допускаетъ геройство физическое. Здѣсь нѣтъ мѣста милосердію. Отсюда и призывы поэта къ мести (стр. 22), къ удвоенію силы грома и т. д. О кротости духа говорить не приходится.

На послѣднее могли еще повліять и обстоятельства личной жизни поэта, его личное настроеніе. Въ Читалагаѣ Державинъ провелъ весну 1775 года, послѣ болѣзни, перенесенной въ Казани,—послѣ нѣкоторыхъ служебныхъ его неудачъ. Вотъ съ какими фактами встрѣчаемся мы по его «Запискамъ»: «незнаніе свѣта сдѣлало ему сего сильного чело­вѣка (Панина) изъ покровителя страшнымъ врагомъ»...²⁾. Пріѣхавъ въ Казань, нашелъ также и генерала Потемкина себѣ неблагопріятнымъ³⁾. «Случившееся небольшое любовное соперничество (между Потемкинымъ и Державинимъ), въ которомъ, казалось, одною прекрасною дамою, офицеръ предпочитаетъ былъ генералу, умножило между ними остуду, для

1) См. Гротъ, т. VI (1871 г.), стр. 518.

2) Ibid., стр. 518.

3) См. Гротъ, т. V (1869), стр. 270; т. VI (1871), стр. 522; т. VIII (1880), стр. 223.

чего и командированъ былъ послѣднимъ первый паки на Иргизъ ¹⁾» «Собирающійся офицеръ въ новую комиссію, ѣздя въ суетахъ по городу, по неосторожности простудился и получилъ сильную горячку, отъ которой едва не умеръ» ²⁾. По выздоровленіи своемъ не отпущенъ былъ въ Москву, какъ прочіе его сотоварищи гвардіи офицеры, но велѣно ему было... ѣхать въ Саратовъ. Такимъ образомъ пробылъ всю весну и небольшую часть лѣта 1775 года въ колоніяхъ праздно» ³⁾. Это только факты, а общее настроеніе этихъ страницъ «Записокъ», конечно, передать нельзя, но оно, какъ результатъ фактовъ, вызывало нѣкоторое недовольство продолжительностью войны, и онъ вызываетъ къ Императрицѣ: «Ударъ ихъ полкъ и разжени» (стр. XIII 23)—и др.

Въ этомъ во всемъ мы можемъ видѣть лишь современника, пережившаго непосредственно и чутко все описанныя имъ событія, заслонившія на время и образъ героини, и обобщающую мысль. Конечно, и образы у него для изображенія отличались часто обыденностью, тѣмъ жизненнымъ элементомъ, что какъ характерно для первоначальной редакціи оды: поэтъ не столько мыслилъ, сколько жилъ эмоционально: онъ заносилъ свои впечатлѣнія,—они сильно его захватывали, не поддавались переработкѣ, каждое изъ нихъ было дорого, не хотѣлось пропускать ничего. Отсюда—нѣкоторыя длинноты, вставочные эпизоды, мало нужные для цѣльности, объединенія произведенія, но важныя по переживаніямъ.

Съ этой точки зрѣнія—ода въ цѣломъ, въ своей первоначальной редакціи, какъ ода не столько написанная, сколько пережитая, выстраданная, важна въ своихъ деталяхъ. Они даютъ матеріалъ для характеристики отношенія поэта къ фактамъ жизни, и ода въ цѣломъ пріобрѣтаетъ цѣнность, какъ показатель настроенія поэта, отразившаго настроеніе вѣка и современниковъ.

Напечатаны были «Читалагайскія оды» въ началѣ 1776 года. За это время событія улеглись. Государственная и общественная жизнь начала входить въ нормальныя рамки. Державинъ и самъ отошелъ отъ крова-

1) Гротъ, т. VI (1871), стр. 519.

2) *ibid.*, ст.

3) *Ibid.*, стр. 521.

выхъ событій. Они представлялись теперь, какъ прошлое—и прошлое тяжелое. Въ обстановкѣ мирной жизни война уже не конгломератъ отдѣльныхъ геройскихъ подвиговъ, обвѣянныхъ восторгомъ впечатлѣній. Въ мирной обстановкѣ яснѣе выступаетъ ея разрушающее дѣйствіе,— она представляется большимъ государственнымъ зломъ, приводящимъ государство въ состояніе хаоса. Въ отдаленіи она теряетъ и прелесть отдѣльныхъ моментовъ, и защитникомъ ея быть нельзя. Выясняются ярче и задачи правителя для культурнаго процвѣтанія государства¹⁾.

Державинъ перерабатываетъ оду. На 2-й рукописной редакціи мы видимъ эту работу. Онъ исключаетъ всѣ строфы, посвященныя описанію военныхъ подвиговъ. Онѣ не исчезнуть совершенно—отзвуки ихъ мы найдемъ въ другихъ произведеніяхъ, созданныхъ подъ вліяніемъ аналогичныхъ переживаній²⁾, но теперь, при переходѣ къ мирной жизни, онѣ уже анахронизмъ. Задача поэта—быть публицистомъ мирнаго времени, а не «вымышленныхъ на смерть машинъ». Правда, въ рукописной (2-й) редакціи мы еще находимъ отзвуки стараго настроенія (стр. I ст. 5; XI—1,5), но уже появляются и мотивы иные: монархія будетъ мило-сердна (XIII—5), она позабудетъ «коварство, злсбу» (XIV—6), и его призывъ:—«не будемъ въ злобѣ мы сражаться» (II—8). Ода получаетъ иную окраску и окончательно переработанная для печати, она явится произведеніемъ, всецѣло направленнымъ противъ войны и для доказательства преимуществъ мирной, культурной работы на пользу государства. Образъ героя утратитъ всѣ черты жестокости:—онъ—провозвѣстникъ мира: «пмъ борей зефиромъ будетъ» (стр. XIV), его кротчайшая природа утѣшитъ всѣ страны народа (XV). Герой—это благодѣтельное солнце, свѣтомъ своимъ, обиліемъ лучей оживляющее тварь,—милостію, щедротами, покровительствомъ наукамъ, художествамъ способствующее успѣхомъ и процвѣтанію государства. Не лишне будетъ при этомъ вспомнить и дѣятельность на пользу наукъ Петра, Елизаветы (I), чтобы «дней прошлыхъ кротость вспоминая», ждать ихъ вспять съ небесъ (II),—и съ

1) Гротъ, т. III (1866), стр. 271.

2) Отдѣльныя мысли опущенныхъ строфъ, образы, выраженія мы найдемъ въ одахъ «На взятіе Варшавы» 1794 г. (т. I—1864, стр. 642); «На взятіе Измаила»—1790 г. (т. I—1864, стр. 341—361 и др. батальныхъ произведеніяхъ).

этой цѣлью написать памфлетъ, насколько онъ возможенъ въ условіяхъ литературнаго произведенія, не нарушая и не оскорбляя требованій эстетики.

Исключается все, мѣшающее основной идеѣ, цѣлостному образу героя. Въ переработкѣ поэтъ стремится и къ экономіи мысли: краткая мысль сильнѣе оттѣнить образъ, основную черту героя; измѣняется и форма: она становится чуждой обыденности, ибо послѣднее будетъ лишать ее силы впечатлѣнія при установившихся эстетическихъ требованіяхъ. Вводится и усиленіе мысли о роли героя. Герой подобенъ не свѣту, а источнику свѣта—солнцу (IV), заботы о просвѣщеніи—его заботы, и изъ VI строфы исключается имя Петра, перенесенное теперь въ I строфу. Это не преувеличеніе,—ибо Державинъ правъ, когда говорилъ: мы баснями тебя не чтимъ,—а это лишь необходимый публицистическій приѣмъ. Его мы найдемъ и послѣ—въ его одахъ въ честь Фелицы, гдѣ поэтъ разработаетъ болѣе эту тему и будетъ повторять эти мотивы, пока не разочаруется совершенно, пока не убѣдится, что отъ героя ждать нечего, пока онъ не придетъ къ выводу, что «подлинникъ человѣческій съ великими слабостями»¹⁾. Но теперь,—пока этого нѣтъ,—онъ выскажетъ свою мысль, именно, въ одѣ, произведеніи очень удобномъ для этого въ силу своего персональнаго характера.

Здѣсь—въ печатной редакціи—уже не только человѣкъ, пережившій отдѣльный моментъ,—здѣсь ярко выступаетъ мыслитель-публицистъ, ради своей идеи жертвующій и отдѣльными фактами и конкретными штрихами своего произведенія. И съ этой точки зрѣнія печатная редакція оды очень характерна, какъ показатель той внутренней работы мысли, какую мы можемъ отмѣтить въ литературной жизни Державина. Знакомство съ рукописными редакціями, сопоставленіе ихъ съ произведеніемъ въ окончательной формѣ дастъ матеріалъ не только для опредѣленія процесса работы, а намѣтитъ и пути въ развитіи міросозерцанія поэта отъ призыва къ мести до сознанія значенія великой силы всепрощающей любви.

1) Гротъ, т. VI (1871), стр. 693: «Не могъ онъ воспламенить такъ своего духа, чтобъ поддержать свой высокій прежній идеалъ, когда вблизи увидѣлъ подлинникъ человѣческій съ великими слабостями» (Записки).

II.

Ода XVIII вѣка имѣетъ одну любопытную сторону, мало отгѣняемую при взглядѣ на нее, какъ на литературное произведеніе. Ода была не столько литературнымъ произведѣніемъ, сколько публицистическимъ. Она явилась удобной формой, — въ силу своего персональнаго характера и общихъ эстетическихъ требованій вѣка, — для выясненія тѣхъ или иныхъ общественныхъ, политическихъ принциповъ дѣятельности лица, которому она посвящалась. Лицо, какъ предметъ оды, — событіе, какъ ея поводъ, лишь были отправными пунктами для публициста, а не были цѣлью. Положеніемъ лица, цѣнностью событія опредѣлялось значеніе оды, но это не было главнымъ. Цѣнность ея въ умѣннхъ поэта примѣнить широкій масштабъ въ дѣлѣ оцѣнки событія, въ интересѣ и пониманія имъ общественныхъ и политическихъ задачъ, въ искусствѣ поставить событіе и лицо въ рамки не только личной жизни, а придать характеръ государственный, — наконецъ, — въ искусствѣ дать своей мысли наиболѣе широко-обобщающій образъ. Въ такомъ видѣ ода пріобрѣтала характеръ своего рода передовой статьи современной газеты, носила всѣ признаки общественнаго выступленія, являясь иногда и политическимъ памфлетомъ.

Таковы, напр., оды М. В. Ломоносова, его VIII ода на день восшествія Имп. Елизаветы Петровны (1747 г.), гдѣ онъ выступаетъ, какъ пропагандистъ идеи мира въ виду опасности вовлеченія государства въ войну. Онъ съ жаромъ доказываетъ всѣ выгоды мирной жизни государства, подчеркиваетъ кротость Императрицы, сравниваетъ ее съ тишиной и восхваляетъ за заботы о просвѣщеніи. Такова, въ сущности, и приведенная выше VIII Читалагайская ода Державина.

Державинъ въ этомъ отношеніи былъ сыномъ своего вѣка. Воспитанный на идеяхъ просвѣтительной философіи, начитанный и въ древней литературѣ, близко соприкасавшійся съ тогдашнимъ движеніемъ мысли въ правительственныхъ и культурныхъ слояхъ, онъ въ каждой одѣ своей стремился внѣдрить эти мысли и обществу, и правительству. Кромѣ этого у Державина была еще одна черта, черта его личная — его характеръ.

Его считали неуживчивымъ, досадливымъ. Дѣйствительно, въ его жизни было много фактовъ, когда онъ, принимая то или другое близко

къ сердцу, не сдерживался, горячился. Эта горячность часто его губила, много приносила ему неприятностей, — но она налагала на всю его дѣятельность, особенно литературную, — особый отпечатокъ, отпечатокъ темперамента.

Мы поймемъ Державина, если вспомнимъ нѣкоторые факты его біографіи. На свое образованіе въ Казанской гимназіи онъ жаловался, но гимназія дала ему нѣчто: она познакомила его чрезъ М. И. Веревкина съ окружавшей его средой, съ исторіей и бытомъ края. Въ гимназіи онъ привыкъ жить интересами среды, сливаться съ ней. Очень характеренъ его разсказъ о жизни въ казармѣ, гдѣ къ нему шли все со своими нуждами, прося его писать письма. Среда и здѣсь ему была близка. Въ эпоху Пугачевского бунта онъ близко соприкасался съ жизнью тѣхъ мѣстностей, гдѣ ему приходилось бывать, съ настроеніемъ массъ и отдѣльных сословій. Яркимъ фактомъ является его пребываніе въ Читалагаѣ, гдѣ онъ нашелъ и книжку сочиненій короля Фридриха II¹⁾. И Читалагайскія оды не были оторваны отъ жизни, — онъ отзвукъ настроенія — и, пожалуй, не одного поэта. Призванный впоследствии на административные посты, Державинъ и здѣсь не остается чуждымъ средѣ. Это не былъ вельможа Екатерининскаго времени, — позлащенный истуканъ, поставленный «въ позоръ», — это былъ человекъ дѣла. По пріѣздѣ въ Олонецкій край онъ знакомится съ нимъ, его исторіей. Онъ пишетъ И. И. Лепехину письмо, прося его сообщить о древнихъ жителяхъ и поселеніяхъ Олонецкаго края²⁾. Если просмотрѣть матеріалы Я. К. Грота, касающіеся пребыванія Державина въ Олонецкомъ краю, можно видѣть, какъ внимателенъ онъ былъ къ управляемой области, какъ изучалъ ее всесторонне³⁾. Въ Тамбовѣ онъ широко развиваетъ свою дѣятельность на пользу населенія, открывая школу, заводя типографію, издавая газету. Последнее онъ могъ сдѣлать, лишь хорошо зная нужды населенія. Его газета въ этомъ отношеніи, какъ первая газета въ провинціи, очень показательна. Содержаніе ея было въ полномъ соотвѣтствіи съ нуждами

1) Гротъ, т. III (1866), стр. 272.

2) Сухомлиновъ. Исторія Россійской Академіи, т. VII, стр. 3—9.

3) Отчетъ Имп. Публ. Библіотеки за 1892 г. СПб. 1895 г. стр. 40—43.

населенія и края. А эта сторона его дѣятельности у Я. К. Грота не получила надлежащаго освѣщенія. Между тѣмъ Державинъ былъ первымъ работникомъ провинціальной прессы со всѣми особенностями судьбы ихъ, включительно для цензорскихъ внушеній¹⁾. Его поѣздка въ Бѣлорусскую губернію опять свидѣтельствуетъ о его близости къ населенію края. Объ его вниманіи къ краю, его интересамъ говорятъ не только официальные донесенія его обширныя докладныя записки²⁾, но и тѣ помѣтки частнаго характера, какія онъ дѣлалъ на официальныхъ бумагахъ о состояніи губерніи³⁾. Какое вниманіе онъ оказывалъ къ третейскимъ судамъ и опекунскимъ дѣламъ, — объ этомъ говоритъ то безграничное довѣріе, какое оказывало ему въ этомъ отношеніи общество⁴⁾.

Эти и подобные факты проходятъ черезъ всю его дѣятельность. Онъ всегда былъ близокъ къ поручаемому дѣлу, изучалъ и зналъ его до мелочей. Конечно, быть равнодушнымъ къ судьбѣ этого дѣла онъ не могъ, не могъ быть равнодушнымъ къ той системѣ управленія, какая господствовала у вельможъ того времени. На ихъ отношеніе къ дѣлу онъ могъ только негодовать, а они, — съ своей стороны, — считать его неуживчивымъ.

Свои литературныя произведенія онъ больше переживалъ, нежели писалъ. Они являлись отзвукомъ его настроенія, и въ нихъ онъ былъ тѣмъ же прямолинейнымъ, непримиримымъ, человѣкомъ темперамента, какъ и въ своей служебной дѣятельности, — и его оды, отражавшія его гражданскіе идеалы, являются наиболѣе боевыми. Боевой характеръ вносили онъ въ каждое свое выступленіе. Съ этой стороны ода во всѣхъ ея проявленіяхъ формальныхъ была одинаково отраженіемъ его взглядовъ, настроенія.

1) Извѣстія Тамб. Уч. Арх. Коммис., вып. XIV (1887), стр. 10—12. Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. XII (1907), кн. 2, стр. 329—330 (статья Н. М. Петровскаго) Рус. Библиофиль, 1911 г. кн. VII, стр. 18—23. 1913 г. кн. VII, стр. 65—68 (статья Семенникова). Также: Уч. Зап. Каз. У-та 1912 г. т. 6—7 (Петровский Н. М. о книгѣ Семенникова).

2) Гротъ, т. VII. СПб. 1872 г.

3) Вѣстн. обр. и воспит. Казань 1916 г., кн. 5—6. Біографическія мелочи (статья Ильинскаго).

4) Гротъ, т. VI (1871 г.), (Записки). Также ст. Біограф. мелочи въ Вѣстн. Образ. и Воспитанія Казань 1916 г. кн. 5—6.

Такъ называемыя торжественныя оды въ этомъ отношеніи едва ли могутъ подвергаться сомнію. Но среди одъ есть еще цѣлая категория одъ духовныхъ, очень распространенныхъ въ XVIII вѣкѣ. Духовныя оды—въ большинствѣ, переводы псалмовъ—въ сущности не избѣгли участи одъ торжественныхъ. Еще со времени Ломоносова они были не только отзвукомъ религіознаго восторга, а,—вмѣстѣ—и полемическими сочиненіями. Таковы его «размышленія о Божіемъ Величествѣ», таковы и псалмы, гдѣ находимъ не только личныя настроенія, но и выпадъ противъ отдѣльныхъ лицъ.

Г. Р. Державинъ былъ ученикомъ Ломоносова. На одахъ Державина мы находимъ эпитафьи изъ сочин. Ломоносова¹⁾. И для чего псалтырь не была лишь книгой богодухновеннаго пѣвца. Въ ней онъ видѣлъ бѣльшее,—искалъ отвѣта, какъ древній Моисей, на мучившіе его вопросы, находилъ ихъ, и псалмы часто являлись лишь запасомъ матеріала, откуда онъ черпалъ и мысли, и образы, подчиняя все это переживаемому имъ настроенію, вкладывая сюда всю силу своего темперамента.

Для иллюстраціи можно вспомнить извѣстное стихотвореніе: «Властителямъ и судьямъ». За него Державинъ подвергся было опалѣ и крупнымъ неприяностямъ²⁾, ибо въ этомъ произведеніи, какъ повѣдалъ онъ самъ³⁾, «были толь разительныя истины, которыя вельможамъ и двору не могутъ быть пріятны». Это относится къ 1795 году. Въ изданіи 1798 года эту оду совершенно, изъ опасеній, не напечатали⁴⁾, хотя трудно въ ней найти что либо, кромѣ общественныхъ истинъ о долгѣ сохранять законы, защищать слабыхъ, не оставлять вдовъ и сиротъ,—темы очень часто повторяющіяся у Державина въ силу вынесенныхъ еще изъ дѣтства впечатлѣній⁵⁾. Это одно. Другое,—то, что эти мысли даже не

1) Въ изд. Грота (т. II—1865) эпитафья (стр. 278) приведенъ въ примѣчаніи (стр. 280), но въ рукописи онъ непосредственно слѣдуетъ за заголовкомъ.

2) Гротъ, т. I (1864 г.), стр. III, 113.

3) Гротъ, т. VI (1871), стр. 694—96. (Записки Державина).

4) Гротъ, т. I (1864), стр. 112.

5) Гротъ, т. VIII (1880), стр. 32. См. также: т. VI (1871 г.), стр. 405 (Записки): «Такое страданіе матери отъ неправосудія вѣчно осталось запечатленнымъ на его сердце, и онъ, будучи потомъ въ высокіхъ достоинствахъ, не могъ сносить равнодушно неправды и притѣсненія вдовъ и сиротъ».

Державина, — это мысли псалма 81-го, переложениемъ котораго и является эта ода.

1) Первоначальная стадія литературной исторіи этого произведенія и былъ переводъ псалма 81-го (Богъ ста въ сонмѣ Боговъ..). Я. К. Гротъ переводъ псалма помѣщаетъ въ примѣчаніяхъ къ этой одѣ¹⁾. Трудно согласиться съ этимъ. Дѣло въ томъ, что переводъ псалма былъ сдѣланъ раньше и является самостоятельнымъ произведеніемъ, даже отдѣльно напечатаннымъ. Характерна исторія напечатанія перевода. Напечатанный уже въ ноябрской книжкѣ «СПетербургскаго Вѣстника» 1780 года (ч. VI) переводъ былъ вырѣзанъ и замѣненъ своеобразнымъ для того времени способомъ: напечатаніемъ разрядкой слѣдовавшей за нимъ повѣсти (Розалія). Въ такомъ видѣ книжка журнала и вышла²⁾. Вторично псаломъ появился въ печати только черезъ шесть лѣтъ.

Уже эти обстоятельства показываютъ, что невинный съ перваго взгляда переводъ псалма въ сознаніи современниковъ получалъ характеръ злободневнаго произведенія. Трудно подыскать теперь факты, послужившіе поводомъ къ его написанію. Самъ Державинъ при объясненіи мотивовъ, — объясненіи, правда, вынужденномъ, — сослался лишь на примѣръ Ломоносова³⁾. Но очевидно, было и другое, заставлявшее такъ подозрительно относиться къ псалму въ переводѣ Державина. Было ли это — горечь отъ несбывшихся надеждъ на реформы, неудовлетворенность ли и раздраженіе своими сослуживцами до экспедиціи о государственныхъ доходахъ, всѣ перепитіи службы въ которой такъ подробно и не скрывая правды описываетъ Державинъ въ своихъ «Запискахъ»⁴⁾, — трудно сказать, но въ этомъ псалмѣ поэтъ даетъ, дѣйствительно, рѣзко отрицательную характеристику правителямъ. Въ рукописной редакціи, не во всѣхъ частяхъ поддающейся чтенію, мы встрѣчаемъ и болѣе рѣзкія выраженія, говорящія о слѣдѣ настроенія въ моментъ созданія.

Я. К. Гротъ, приводя рукописную редакцію, указываетъ, что она «не безъ труда могла быть розобрана посреди множества помарокъ»⁵⁾,

1) Гротъ, т. I (1864), стр. 109—110, примѣчаніе.

2) Ibid., стр. 110.

3) Ibid., стр. 113—115.

4) Гротъ, т. VI.

5) Гротъ, т. I (1864), стр. 109.

хотя приложенный снимокъ (стр. 109) и не даетъ этой картины; дѣйствительно, рукопись имѣетъ много поправокъ,—иныхъ изъ нихъ прочитать и нельзя. Но при знакомствѣ съ рукописью нельзя согласиться съ той редакціей, что находимъ у Грота.

Такъ, стихъ 4 строфы I—«и смотрите на грѣшныхъ рогъ» (Псаломъ ст. 2-й—и лица грѣшниковъ приѣмлете)—данъ первоначально былъ въ слѣдующей, болѣе соответствующей настроенію всей передачи псалма, редакціи:

«И зрите вы на сильныхъ рокъ».

Претерпѣвають измѣненія и ст. 3—4 стр. III—«не вѣдаютъ, что съ бѣдныхъ стона | неправдой движется земля» [—не познаша, ниже уразумѣша, во тьмѣ ходятъ, да подвижутся вся основанія земли ст. 5]. Эти стихи имѣли болѣе рѣшительную редакцію:

Не знаютъ и не слышатъ стону
Коварствомъ какъ земля дрожить,

каковая редакція и была оставлена Державинымъ, зачеркнувшимъ текстъ, который мы находимъ у Я. К. Грота.

Тоже нужно сказать и относительно стиховъ 2—3—IV строфы, гдѣ находимъ не ту общую форму—«владыка, царь и судія»,—а болѣе конкретную, ближе совпадающую съ дѣйствительностью:

Монархи, князи и судья,
Но вы изъ перси той же (*гленной) брэнной.

Эта редакція также оставлена, какъ бѣловая.

Если обратимъ вниманіе на ст. 3-й стр. V, гдѣ вмѣсто слова «неправды» находимъ:—«злобы»,—то общій характеръ переложенія получается иной,—болѣе, правда, отдаленный отъ текста псалма, но лучше отражающій настроеніе автора.

Переложеніе псалма рисуется въ такой формулировкѣ:

«восталъ среди боговъ въ совѣтѣ,
боговъ судити вышній богъ
доколь рекъ правду продаете
и смотрите на сильныхъ рокъ».

есть богатыми судите бѣдныхъ;
не зрите на высоту лицъ;
изъ рукъ измите душевредныхъ,
нѣщастныхъ, сырыхъ и вдовицъ
но есть безумцы и средь трона
.....¹⁾
не знаютъ и не слышатъ стону
коварствомъ какъ земля дрожить
Я думалъ боги вы вселенной
Монархи князи и судья;
но вы изъ перси той же брѣнной
и смертны также какъ и я
И такъ коль истины не стало
а правды въ свѣтѣ нѣтъ ни гдѣ,
Творецъ исторгни злобы жало
Приди и царствуй самъ вездѣ.

Въ этой редакціи,—особенно слово «злобы» вмѣсто церковнаго «неправды», — общій отгѣнокъ произведенія пріобрѣтаетъ характеръ болѣе индивидуальный, нежели въ Гротовской,—характеръ произведенія, навяннаго, если не опредѣленнымъ фактомъ, то, несомнѣнно, общимъ направленіемъ тогдашней административной жизни, что отразилось, помимо рассказовъ Державина о своихъ тревоженіяхъ по службѣ въ коммерцъ-коллегіи²⁾, и въ слѣдующемъ его рассказѣ, относящемся къ этому времени: «въ 1779 году былъ перестроенъ подъ смотрѣніемъ его (Державина) Сенатъ, а особливо зала общаго собранія, украшенная . . . и лѣпными барельефами. . . . (между ними) была изображена скульпторомъ Рашетомъ Истина нагая, и стоялъ тотъ барельефъ къ лицу сенаторовъ³⁾ . . . Генераль-прокуроръ кн. Вяземскій осматривалъ оную, то увидѣвъ Истину, сказалъ экзекутору: «Вели ее, братъ, нѣсколько прикрыть». И подлинно,

1) Этотъ стихъ трудно поддается чтенію.
2) Гротъ, т. VI (1871), стр. 547 и далѣе.
3) См. Гротъ, т. I (1864), стр. 95, 97—98.

съ тѣхъ поръ стали отчасу болѣе прикрывать правду въ правительствѣ, потому кн. Потемкинъ, будучи человѣкъ сильный и властолюбивый, не весьма любилъ повиноваться законамъ, а дѣлалъ все по своему самоправію¹⁾.

2) Губернаторство въ Тамбовѣ кончилось, какъ извѣстно, для Державина не совѣтъ благополучно: онъ былъ, какъ читаемъ въ «Запискахъ», «по злобѣ сильныхъ его недоброжелателей, отлученъ изъ Тамбова и явился въ Москвѣ къ суду (въ концѣ 1788 г.) 6-го Сената департамента по доносу намѣстника»²⁾. Дѣло шло съ обычными проволочками. Державинъ обращался съ просьбами объ ускореніи, но это не двигало производства. Дошло, наконецъ, и до крупнаго разговора съ кн. Волконскимъ, до угрозы жаловаться Императрицѣ. Только въ концѣ 1789 года все это кончилось оправданіемъ Державина. Пережить за это время пришлось много. Уѣхавъ въ Петербургъ по окончаніи дѣла, Державинъ пишетъ пьесу: «Праведный судія»,—являющуюся переложеніемъ псалма 100-го—«Милость и судъ воспою Тебѣ, Господи», гдѣ, на опытъ всего предшествующаго рисуя картину будущей дѣятельности, намекаетъ и на своихъ враговъ:

«И гдѣ со мною не сойдутся
Лжецы, издоимцы, гордецы,
Отвсюду мною изженутся
Въ дальнѣйшіе земны концы,
Иль казнь повергнетъ ихъ во гробъ»³⁾.

Такъ конкретно, едва ли не безъ намека и на Волконскаго (гордецы), онъ передалъ ст. 8 псалма: во утрія избивахъ вся грѣшныя земли, еже потребити отъ града Господня вся дѣлающыя беззаконія». Такая конкретность могла быть навѣяна только пережитымъ.

3) Къ этой темѣ онъ возвращается много разъ. Служба его въ Коммерцъ-коллегіи принесла ему много огорченій. Ему здѣсь пришлось

1) Ibid., т. VI (1871), стр. 546—547.

2) Ibid., стр. 602.

3) Ibid., т. I (1864), стр. 265—267.

столкнуться съ цѣлымъ рядомъ нарушеній закона, явно приносившихъ вредъ государству. Онъ же желалъ довѣренность Государыни заслужить возможною вѣрностью, безкорыстіемъ и честностью¹⁾, но на первыхъ же шагахъ столкнулся съ сильной партіей ему «противоборствующихъ», заинтересованныхъ матеріально въ дѣлахъ Коммерцъ-коллегіи. Въ стремленіи устранить Державина они на него взвели клевету. Ему дано было понять, чтобы онъ въ своей должности не вмѣшивался ни во что²⁾. Этого онъ не могъ сдѣлать въ силу своего характера и сталъ проситься въ отставку. Но отставку ему не дали, и волей-неволей ему приходилось переносить всѣ горести службы безъ надежды осуществить свои служебные идеалы.

Державинъ опять обращается къ псалмамъ и въ нихъ находитъ утѣшеніе, отражая здѣсь свои завѣтныя мечты. Онъ переводитъ псаломъ 74-й— «Исповѣмся Тебѣ, Боже, исповѣмся Тебѣ»— гдѣ и высказываетъ свое желаніе:

Неправыхъ вѣя до согнется,
А правыхъ вознесется рогъ³⁾

Въ черновой редакціи и здѣсь мы находимъ нѣкоторые варианты⁴⁾,

1) Гротъ, т. VI, (1871). Записки, стр. 680.

2) Ibid., стр. 679, 680—681.

3) Ibid., т. I (1864 г.), стр. 597. Псал. ст. 11: «и вся роги грѣшныхъ сломяю, и вознесется рогъ праведнаго».

4) Въ черновой редакціи есть варианты, не совсѣмъ использованные въ изд. Я. К. Грота:

строфа I, ст. 2*	Онъ славу мнѣ явилъ свою
— 3*	вмѣстили меня избранныхъ въ ликѣ
— II — 1*	пришли мнѣ времена святыхъ
— 2*	да правосудье учрежду
— 3*	колеблющи столпы земныя
— III — 4.	чтобы неправѣденъ былъ Богъ.
— IV — 3	*нѣтъ въ мірѣ безпорочныхъ
стр. V ст. 1	*Но Богъ ихъ судія единый
— 3	возводитъ сихъ онъ на вершины
— IV — 3	см. Гротъ, I, 597—6.
— 4	ibid., и «но грѣшны дрожжи въ нѣй лишь пьютъ»
— VII 1	*отъ арфы гласы да прострется
—	*отъ арфы счастье да прострется
— — 3	*И выи грѣшниковъ согнутыя
— 4*	а праведныхъ радуется рогъ.

характерные для настроенія поэта: свое назначеніе въ Сенатъ онъ формулируетъ не какъ положеніе среди «вельможъ», а «избранныхъ» и рѣшительно говоритъ о своей тамъ миссіи: «да правосудье учрежду», что болѣе, конечно, соотвѣтствовало его личному желанію, за что онъ такъ горячо и взялся въ Коммерцъ-коллегіи, — но это встрѣтило противодѣйствіе, — и онъ измѣняетъ въ болѣе мягкую форму: «да правый судъ я покажу».

4) Къ этому ряду непріятностей по службѣ въ Коммерцъ-коллегіи въ 1796 году присоединились и другія. Императрица желала продолженія поэтической дѣятельности Державина въ духѣ «Фелицы», чего онъ не могъ уже, ибо вблизи увидѣлъ «подлинникъ человѣческой съ великими слабостями». Въ концѣ концовъ онъ поднесъ ей тетрадь прежнихъ своихъ стихотвореній. И здѣсь произошла извѣстная исторія съ одой «властителямъ и судьямъ» (см. выше). Распри его въ Коммерцъ-коллегіи достигли своего крайняго развитія, и Державинъ на мысль Императрицы упразднить Коммерцъ-коллегію отвѣчаетъ: «можетъ она уничтожить и не уничтожить коллегію, какъ ей угодно, для него (Державина) все равно; но только онъ радъ, что избавится черезъ то такого мѣста, которое много дѣлаетъ ему непріятностей и за которое онъ однакоже отвѣтствовать быть долженъ по законамъ»¹⁾).

Все это создало для Державина очень непріятную служебную обстановку и свое настроеніе онъ передастъ на оборотѣ дневной репортички изъ Коммерцъ-коллегіи отъ 23 февраля 1796 года²⁾ словами псалма 39: — «Терпя потерпѣхъ Господа и внятъ ми и услыша молитву мою», — вполне гармонирующаго съ настроеніемъ въ періодъ душевныхъ тревогъ поэта:

«Терпѣлъ я, уповалъ на Бога,
И преклонился ко мнѣ Богъ;

1) Ibid., стр. 699.

2) Гротъ, т. III (1866 г.). стр. 480—481. И. К. Гротъ назвалъ это стихотвореніе «Подражаніе псалму» и къ опредѣленному году не отнесъ, хотя репортичка и помѣчена опредѣленной датой. — См. бумаги Державина № 2 (Публ. Библиотека).

Мое смятеніе, тревога
Проникнули въ его чертогъ»¹⁾).

и кончаетъ переложеніе, высказывая увѣренность въ неизмѣнности тѣхъ принциповъ, какими онъ руководился раньше и будетъ руководиться, несмотря на то, что его окружаетъ. Онъ благодаритъ Бога, что Онъ «изъ безднъ клеветъ меня избавиль»,—и это еще болѣе воодушевляетъ его:

1) Эта рукопись на репортничкѣ заключаетъ въ себѣ «Подражаніе псалму», которое имѣетъ слѣдующіе варианты:

- строфа I, ст. 2* И преклонилъ мнѣ взоры божь,
3* души волненіе, тревога
4* дошли въ его святой чертогъ
— II, — 2* пріялъ въ объятіи свои
— IV — 2* почіетъ лишь на немъ одномъ
— V — 4* ни кто себя съ нимъ не сравнилъ
— VI 1— 4* ихъ только пѣть и проповѣдать
а не изчислить я хочу
сердечны чувства исповѣдать
я жертвъ другихъ не приношу.
— VII — 1* Такъ! пойду я въ путь мой не робѣя.

Послѣ этого переложенія мы находимъ еще 4 стиха, написанныхъ нѣсколько иными почеркомъ:

быть здѣсь и на краю вселенной
въ тотъ самый мигъ метать перунъ
(здѣсь) такъ утрашисъ здѣсь восхищенный
Душа! внимай звукъ лирныхъ струнъ,—

что по содержанію соотвѣтствуетъ ст. 10—11 псалма 39 и можетъ считаться продолженіемъ приведеннаго стихотворенія.

Дальнѣйшіе отрывки на этомъ листѣ уже иного содержанія. Находимъ здѣсь 4 строчки отрывка:

Лети орелъ на гнѣзда
Отечества твоихъ птенцовъ.

и попытку переложенія, въ примѣненіи къ Суворову (?) (Побѣду Александру грянъ) псалма 143,—переложеніе, близкое къ Ломоносовскому (8 стиховъ).

Державинъ:

Благословенъ Господь нашъ Богъ
на брань десницы ополчивый,
и намъ подъ ноги положивый
надменныхъ супостатовъ рогъ. . .

и т. д.

Ломоносовъ:

Благословенъ Господь мой Богъ
Мою десницу укрѣпивый
И персты въ брани научивый
Сотрѣть враговъ взнесенный рогъ. . .

и т. д.

Такъ! въ путь иду мой, не робѣя,
(Написано о мнѣ въ судьбахъ!)
Закономъ Божьимъ пламенѣя,
Живущимъ у меня въ костяхъ!

5) Царствованіе Имп. Павла для Державина началось счастливо. Онъ сначала былъ обласканъ Императоромъ ¹⁾. Но эта милость продолжалась недолго: Державинъ не умѣлъ приспособляться скоро къ переменамъ жизни, и на первыхъ же порахъ у него вышло крупное недоразумѣніе. Ему довольно рѣзко было сказано: «Поди назадъ въ Сенатъ и сиди у меня тамъ смирно, а не то я тебя проучу» ²⁾. Отъ Державина, навлекшаго гнѣвъ Императора, отвернулись, не желали ему помочь исправить ошибку. Такъ, напр., поступилъ кн. Решнинъ, къ которому Державинъ обратился за помощью, какъ къ человѣку близкому ко двору ³⁾. Отстранили его и отъ Коммерцъ-коллегіи. Дѣйствительно, ему только и оставалось—сидѣть въ Сенатѣ и повторять, когда къ нему обращались за мнѣніемъ, слова Императора. Въ эти тяжелыя служебныя минуты большимъ утѣшеніемъ для Державина было общественное къ нему довѣріе, выразившееся въ порученіи ему опеки, въ избраніи его третейскимъ судьей по тяжбамъ. Въ этомъ довѣрїи онъ видѣлъ оправданіе всей своей дѣятельности, не всегда цѣнимою въ официальныхъ кругахъ, гдѣ правда и честность рѣдко были добродѣтелями. И онъ съ жаромъ отдавался поручаемымъ ему дѣламъ, служа безкорыстно, «почитая низкимъ служить своему брату изъ-за платы» ⁴⁾.

Въ этотъ моментъ и подъ вліяніемъ его онъ пишетъ «Желаніе въ горнія», представляющее передѣлку псалма 83-го—«Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи сила»,—и, вспоминая свои неудачи при дворѣ, закрытый туда для него теперь достучь, утѣшаясь довѣріемъ общества, —воскликаетъ къ Богу:

1) Гротъ, т. VI (1871). Записки, стр. 702.

2) Ibid., стр. 705.

3) Ibid., стр. 706.

4) Ibid., стр. 707—709, также: Ильинскій: «Біографическія мелочи». Вѣстн. Образ. и Воспит. Казань. 1916 г. № 5—6, стр. 329—333.

Въ твоёмъ мнѣ домѣ день милѣе,
 Чѣмъ тысячи въ дому другихъ;
 У прага храма веселѣе,
 Чѣмъ у вельможъ на пирѣ злыхъ.
 Единъ даешь всѣ блага смертнымъ,
 Великолѣпье, славу ты!
 Не оставляешь непримѣтнымъ
 Ты и меня въ моемъ пути¹⁾.

Интересно, что во всѣхъ трехъ рукописныхъ редакціяхъ²⁾ этого стихотворенія, не представляющихъ, правда, между собою большой разницы, ст. 2-й читается:

«чемъ тысячи въ дворахъ другихъ»,

1) Гротъ, т. II (1865 г.), стр. 53—55.

2) Въ рукописяхъ (Собр. Грота, № 1) мы находимъ три списка этого стихотворенія. Два изъ нихъ—руки переписчика, но съ поправками Державина, а одинъ—автографъ. Всѣ три списка носятъ одно названіе: «Упованіе на Бога». Приведу варианты автографа (часть ихъ приведена Гротомъ):

строфа I, ст. 8* что ты живешь въ немъ царь и богъ
 —* что ты вѣкъ живъ въ немъ царь и богъ (Гротъ—а.)
 — 9 Какъ птица храмину находить
 — 10 И горлица гнездо себѣ (Гротъ—б).

Но Гротъ, приведя вариантъ ст. 10, упустилъ измѣненіе стиха 9, отчего получилось повтореніе въ томъ и другомъ стихѣ: «голубь»—«горлица».

строфа — ст. 11, *и въ тѣмъ детей своихъ выводить
 — 12 *такъ я найду покровъ въ тебѣ
 — II — 3 защитника всегда имущи
 — 4 *въ спокойномъ сердце у себя.
 — 7 ненастье въ вѣдра—изъ силъ въ силу
 — 8 *притьти въ сіонѣ опочить
 — 11 *воньми сердечное прошенье
 — *мое воньми прошенье
 — 12 и на меня призри съ высотъ
 — III — 1 *въ твоёмъ мнѣ день одинъ мился
 — 2 чемъ тысячи въ дворахъ другихъ (Гротъ—г).
 — 6 *и великолепіе и славу ты
 — 8 отецъ меня въ моемъ пути
 — 12 на бога только человекъ (Гротъ—д).

Варианты къ ст. 5—6 строфы II, указанные Гротомъ (в), взяты изъ другой рукописи, помѣщенной въ Собр. Грота (№ 1) на первомъ планѣ.

въ чемъ можно, помимо, конечно, вліянія оригинала (яко лучше день одинъ въ дворѣхъ твоихъ паче тысящъ—ст. 11), можно видѣть и желанье обозначить предметъ и своимъ именемъ, а не въ неопредѣленной формѣ: «въ дому».

Любопытна также и первоначальная редакція ст. 12 строфы I, гдѣ поэтъ говоритъ не о покоѣ въ дому Бога, а о «покровѣ»—защитѣ:

«Такъ я найду покровъ въ тебѣ»,

что естественно было сказать въ первые моменты обрушившагося неожиданно несчастья; его Державинъ, какъ видно изъ «Записокъ», старался перенести мужественно, но это не удавалось: въ повѣствованіи слышится глубокая горечь,—что, конечно, заставляло его искать и покровительства. Въ людяхъ онъ его не нашелъ (кн. Репнинъ), нашелъ только въ Богѣ.

1798-й годъ—тяжелый для Державина въ служебномъ отношеніи,—особенно много давалъ поводовъ искать утѣшенія и удовлетворенія служебнаго самолюбія въ словахъ и пѣсняхъ Псалтыри. Здѣсь поэтъ искалъ отвѣта на все вопросы и сомнѣнія. На этотъ годъ падаетъ большинство переложеній псалмовъ (7 псалмовъ: 1, 44, 71, 100, 103, 120, 146). Въ произведеніяхъ царя Давида, въ его образахъ и мысляхъ онъ находилъ отзвукъ и отвѣты на все факты и личной, и общественной жизни, отзвукъ на тѣ настроенія и переживанія, какія слагались у него подъ вліяніемъ видѣннаго и перечувствованнаго. Въ этомъ отношеніи переложенія псалмовъ у Державина—это летопись его настроеній, въ фактахъ и событіяхъ переданная въ его «Запискахъ».

Кончился тяжелый для него 1798 годъ, опять Державинъ принимаетъ участіе въ дѣлахъ государственныхъ, опять становится дѣятелемъ. Но часто приходится ему наталкиваться въ жизни на факты, стоящіе въ противорѣчій съ его взглядами,—и снова онъ обращается къ излюбленному приему—искать отвѣта и утѣшенія въ книгѣ Псалмопѣвца.

6) Въ 1799 году Державинъ ѣдетъ въ Бѣлорусскую губернію, въ мѣстечко «Шкловъ» для разслѣдованія жалобъ на генерала Зорича. Командировка была, судя по «Запискамъ», двусмысленная: нужно было выяснитъ сложные, запутанные личные и національные вопросы, вмѣстѣ

съ тѣмъ приходилось считаться съ интересами высокихъ лицъ, имѣвшихъ виды, далеко не государственные, на Бѣлорусскія земли. Державинъ, по обычаю, отнесся очень внимательно къ дѣлу, какъ видно изъ его официальныхъ донесеній¹⁾, подробно обо всемъ онъ донесъ Правит. Сенату, но, какъ видно изъ «Записокъ»²⁾, онъ не былъ доволенъ результатами своей командировки, ибо «ничего изъ сего не вышло къ исправленію сего великаго на землѣ безпорядка (несоотвѣтствія и несогласованности мѣстнаго и государственнаго права), отъ котораго происходило не токмо много ссоръ, но и самыхъ убійствъ».

Подъ вліяніемъ выясненія причинъ возникшихъ безпорядковъ, Державинъ еще въ Шкловѣ перелагаетъ псаломъ 132-й — «Се что добро, или что красно, но еже жити братія вкуиѣ», озаглавливая его въ рукописи: «мирное объятіе», гдѣ въ ст. 2-мъ указываетъ на преимущества мирной жизни, что послѣ замѣняется словомъ оригинала «вкуиѣ». Отмѣтивъ, какъ причину вражды несоотвѣтствіе законовъ, Державинъ въ переложеніи «мирное житіе» изображаетъ въ образѣ «объятія» неба и земли:

Когда верьхи преклонишь внизъ
багрянымъ серебромъ сверкають
И каплетъ на цвѣты роса
такъ ввѣкъ на домъ ихъ низливають
благословенье небеса³⁾.

Этого послѣдняго не видѣлъ Державинъ въ отношеніи правительства къ жителямъ Бѣлорусской губерніи, чѣмъ и питалась національная рознь⁴⁾.

Рукописные варианты этого стихотворенія—они частью приведены у Я. К. Грота—вполнѣ соответствуютъ первоначальному замыслу пьесы, выраженному въ заголовкѣ, послѣ измѣненномъ:

1) Бумаги напечатаны у Грота, т. VII (1872 г.), см. также: Ильинскій, «Биографическіе мелочи». Вѣстн. Обр. и Воен. Казань 1916 г. № 5—6, стр. 333—335.
2) Гротъ, т. VI (1871 г.), Записки, стр. 719—721.
3) По рукописи (№ 1). См. Гротъ, т. II (1865), стр. 262—263.
4) Гротъ, т. VI (1871). Записки, стр. 720.

- ст. 1, Коль зрѣлище красно пріятно (Гротъ—а).
 — 2, *гдѣ мирно общество живетъ (Гротъ—а)
 — 5, Браду почтенную Арона
 — 6 струящуся на борты ризъ. (Гротъ—б).
 — 8 *когда преклоншишь тѣла внизъ
 — 9 *багрянымъ золотомъ сіяють.

Естественно, что при измѣненіи заголовка на «Братское согласіе» исчезли и варианты (варианты ст. 5—6 стилистическаго характера), и пьеса получила уже болѣе общую формулировку.

7) Въ 1799 году Державину пришлось быть свидѣтелемъ важнаго въ государственной жизни событія—официальнаго признанія совершеннолѣтія Наслѣдника Престола и введенія его въ дѣла государственныя: Наслѣдникъ (будущій—Имп. Александръ I) впервые участвовалъ въ засѣданіи Сената (октябрь 1799 г.). Это событіе дало ему поводъ высказать свои задушевныя мысли о долѣ и обязанностяхъ правителя, какъ защитника слабыхъ, какъ защитника правосудія, какъ правителя независимаго отъ навѣтовъ близкихъ ему лицъ. Все это мысли, которыя были навѣяны поэту его личной жизнью и фактами жизни административной. Ихъ онъ высказывалъ и раньше и въ одахъ торжественныхъ и въ своихъ переложеніяхъ псалмовъ. Но повторить ихъ была необходимость. Въ «Запискахъ», по поводу Шкловскаго разслѣдованія и результатовъ его, онъ пишетъ: «никто ни о чемъ касательно общаго блага отечества, кромѣ своихъ собственныхъ пользъ и роскоши, не пекася; то и было правленіе такъ сказать въ летаргій или въ параличѣ. Не знаю, что Богъ сдѣлаетъ при наступившемъ теперь несчастіи или переворотѣ, одумаются ли правительствующія головы и приложатъ ли всевозможное истинное попеченіе о должномъ во всѣхъ частяхъ правленія порядкѣ и непоколебимости отечества»¹⁾).

На мучившіе его вопросы онъ ищетъ отвѣта у царя Давида, а вступленіе въ Сенатъ Наслѣдника дастъ ему поводъ высказать ихъ словами псалма 71 — «Боже, судъ твой царице даждь, и правду твою сыну царице»:

1) Ibid., стр. 721.

Боже, дай царю твой судъ
И цареву сыну правду,
Да народу подадутъ
И защиту и награду.
Да на горы миръ сойдетъ,
Правосудіе въ долины;
Бѣдныхъ да спасетъ отъ бѣдъ,
Плачущихъ отъ злой судьбины.
Да смиритъ клеветниковъ
И, какъ солнце ввѣкъ сіяетъ
И луна межъ облаковъ,
Такъ блистать на тронѣ станетъ¹⁾.

Положеніе еще ухудшалось военной грозой, что могло совершенно разрушить и безъ того выбитую изъ колеи государственную жизнь, — и Державинъ возвращается къ мысли о войнѣ, какъ лишь жестокой необходимости:

подданныхъ жалѣлъ лить кровь
Ограждалъ отъ лихвъ, неправды....

Въ рукописи данного произведенія мы находимъ рядъ вариантовъ:

Строфы I и XIV — добавочныя къ оригиналу. Въ нихъ поэтъ рисуетъ обстановку, въ какой появляется самый псаломъ, — обстановку, соотвѣтствующую тому факту, который послужилъ поводомъ къ написанію. Но картина, предшествующая псалму, иная въ печатной и рукописной редакціяхъ. По рукописи Давидъ и Соломонъ входятъ въ сѣнь правды, гдѣ:

строфа I стихъ 3: гдѣ казни злымъ, благимъ награды
4 внутрь врезаны святымъ жезломъ —

это не внѣшній законъ, какъ обозначено въ печатной редакціи, а внутреннее расположеніе къ правдѣ Бога, а, какъ таковые, — напечатанные рукою Бога, а не властью земной, — законы «не были хранимы», и

ст. 6 — хранились въ родъ и родъ... Восшелъ и селъ на тронъ
— 7 велевъ съ собою сестъ и сыну одесную (Гротъ — а)

1) Гротъ, т. II, стр. 311—315.

Отзвукомъ божественнаго происхожденія закона явилось святое вдохновеніе царя Давида: торжественно, при полномъ всеѣхъ молчаніи,—

ст. 12 псалтыри струны возгремели (Гротъ—б),

а не «загремѣли», какъ находимъ въ печатной редакціи. Царь Давидъ пѣлъ вдохновенную пѣсню, рисуя идеаль истиннаго царя—правителя, которые

строфа II ст. 3 да людямъ своимъ дадутъ (Гротъ—в)

— 4 и защиту и награду,—которые «спасутъ»

строфа III — 4 утесненныхъ злой судьбины (Гротъ—г),

гдѣ «утѣсненные» болѣе, конечно, соотвѣтствовали настроенію Державина, чѣмъ «плачущіе» печатной редакціи (см. выше—«Записки»).

Осѣненный внутренней правдой, царь на тронѣ будетъ блистать вѣчнымъ свѣтомъ,

стр. IV, ст. 2—какъ солнце вѣкъ сіяеть.

стр. V, ст. 1—такъ сойдетъ онъ въ низшіи домъ,—

гдѣ выраженіе «низшіи» болѣе удачно, нежели «низкій» печатной редакціи и, болѣе соотвѣтствуетъ общему настроенію переложенія («см. утесненныхъ»).

Это и будетъ гарантіей нормальной государственной жизни (см. отзывъ Державина въ «Запискахъ»), гдѣ будетъ царить истина и возобновится счастье,

строфа VI, ст. 3 во блаженныхъ его дняхъ

Предъ такимъ царемъ склонятся земныя племена, ему

стр. IX, ст. 1. все послужать, что онъ былъ (щитомъ для безсильныхъ)—именно, послужать, а не только «покажутъ», какъ сказано въ печатной редакціи,—послужать своимъ счастьемъ къ тому, чтобы показать всю его славу, что онъ, въ силу правоты закона,—

ст. 4—благъ потокомъ былъ обильнымъ (Гротъ—е),

что онъ жалѣлъ лить кровь подданныхъ и, дѣйствительно,

стр. X, ст. 2 спасъ отъ лихвы, отъ неправды

— 3 самъ ихъ чтить къ себѣ любовь

И наградой такому царю будетъ не оди́тъ только внутренній его покой,—будетъ счастье всѣхъ его подданныхъ

строфа XII, ст. 3—поле, градъ восхитять взоръ

— 4—въ нихъ блаженство утвердится,

а не только «водворится», какъ въ печатной редакціи:—оно будетъ вѣчнымъ, постояннымъ:

строфа XIII, ст. 2 слава его будетъ вѣчной

— 3 имя, солнце какъ свѣтило

— 4 всѣхъ хвалою чистосердечной

Эта пѣснь царя произвела впечатлѣніе на израильтянъ, о чемъ поэтъ говоритъ въ добавочной къ псалму *строфѣ XIV*. Впечатлѣніе это не зависитъ отъ сошедшей благодати, какъ сказано въ печатной редакціи (ст. 2); внѣшняго воздѣйствія и здѣсь нѣтъ, какъ нѣтъ его въ структурѣ всей рукописной редакціи. Истинный царь весь проникнутъ идеей вѣчной правды, и народъ понялъ царя:

«вкругъ на царя на царска сына
весь родъ израильскій тутъ зрѣлъ,
да будетъ—въ восхищеньи пѣлъ
во вѣкъ вѣковъ благословима
Рука такъ вышняго на насъ
И вдругъ умолкъ псалтыри гласъ».

Такова рукописная редакція этой строфы. Слова царя пали на подготовленную благодатную почву, въ сердце народа жаждущаго этой правды. Царь и народъ въ своемъ стремленіи едины. И рукопись даетъ очень любопытную редакцію послѣдняго стиха: «вдругъ умолкъ псалтыри гласъ». Это «вдругъ» такъ естественно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, торжественно. Редакція печатнаго стиха со своимъ казеннымъ «за симъ умолкъ» не производитъ художественнаго впечатлѣнія и не передаетъ того настроенія, какое переживалъ Державинъ,—да и не онъ одинъ,—подъ впечатлѣніемъ личности и отношенія къ дѣлу Наслѣдника Престола: по словамъ современ-

ника, Наслѣдникъ «плѣнялъ всѣхъ своимъ благодушiемъ и вниманiемъ, съ какимъ онъ участвовалъ на совѣщанiяхъ»¹⁾).

И такимъ образомъ, рукописная редакцiя получаетъ значенiе не только художественно-цѣльнаго этюда, но и мемуаровъ современника, — тѣмъ болѣе цѣнныхъ, что здѣсь не столько факты, сколько ихъ преломленiе. На самомъ дѣлѣ: богоподобный царь, какъ привыкъ смотрѣть Державинъ еще со временъ Екатерины, носитель извѣчныхъ основъ правды Божiей — поколебался въ сознании поэта въ самомъ основномъ, существенномъ: то было правленiе такъ сказать въ летаргiи, или въ параличѣ. . . . одумаются ли правительственныя головы. . . . Естественно, правда Божiя должна прiйти уже извнѣ, она зазвучала невидимо на высотахъ.

8) И какъ гласъ псалтыри «засимъ» замолкъ, такъ замолчалъ и Державинъ, пока не вступилъ на престолъ Имп. Александръ I, когда, какъ писалъ поэтъ въ одѣ «На восшествiе»:

Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ;
Зефиры вспорхнули крылаты,
На воздухъ рѣютъ ароматъ;
На лицахъ Россовъ радость блещетъ,
Во всей Европѣ миръ цвѣтетъ»²⁾).

И этому избраннику въ день его коронацiи Державинъ поетъ пѣснь: псалтырь опять зазвучала словами псалма 20) — «Господи, силою твоею возвеселится царь»³⁾. Въ немъ поэтъ выражаетъ радость, восторгъ, желанье, чтобъ Богъ помогъ царю въ его дѣлахъ, чтобы миръ въ его царствованiе не нарушался, — словомъ, затрагиваетъ ту часть предшествующей пѣсни, гдѣ говорится о славѣ и благополучiи, какъ результатѣ пропикновенности царя правдой Бога.

Рукописная редакцiя этой оды-псалма была нѣсколько иная, чѣмъ печатная. Такъ стихи 10-е всѣхъ строфъ были приписаны Держави-

1) Гротъ, т. II (1865), стр. 312, примѣчанiе.

2) Ibid., стр. 356.

3) Ibid., стр. 369—371.

нымъ послѣ, почему они такъ и разнятся по строю стиха, да и по смыслу— являются чисто виѣшной наклейкой, хотя и приближаютъ переложеніе къ оригиналу, являясь передачей стиховъ: 5, 8, 11 и 14 псалма, т. е. и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ Державинъ во второй переработкѣ стремится приблизиться къ оригиналу. Тоже нужно сказать и относительно остального текста оды. Въ рукописной редакціи она имѣетъ варианты. Приведу первоначальную редакцію оды-псалма:

Господи сялоу твою
да веселится царь
Спасенный днесъ судьбиною своею
да радуеть торжествъ средь зарь
Желанія его сердечны
ты предвариль и совершилъ
чело елеемъ благостиннымъ
вѣнцомъ владычнымъ златовиднымъ
Помазалъ, оѣнилъ, покрылъ.
Да распрострется громка слава
о немъ вездѣ тобой
Порфира, скипетръ, мечъ, держава
вся царска мочь и власть рукой
на тѣмъ твою возложенны (*облеченны)
какъ на небѣ свѣтилъ всѣхъ сонмъ
Тобой свой блескъ да получаетъ
Твой взоръ его благословляетъ
И на тебя надеждъ онъ полнъ.
Да срѣтитъ длань вооруженна
мечемъ кто на него
какъ сильнымъ пещь огнемъ разженна
такъ гнѣвъ отъ взора твоего
на нихъ свѣркнетъ—и скривъ ихъ тьмою
такъ въ молніяхъ пожнетъ своихъ,
что дымъ лишь въ слѣдъ ихъ воскурится
потомство илемя истребить
и память даже въ мигъ о нихъ.

Пускай сосѣди брань затѣютъ
а злоба—тайный ковь
ни въ чемъ злодѣи не успѣютъ
когда самъ богъ тебѣ покровъ
поставилъ онъ тебя предметомъ
и цѣлю своихъ очесъ:
не двинется твоя держава
но паче возсіяетъ слава
всѣхъ надъ тобой его чудесь.

Правда, въ этой редакціи разница лишь въ формулировкѣ, но не по существу: восторгъ, заразившій всѣхъ, звучитъ и въ той и другой редакціи одинаково ¹⁾).

Цѣлый рядъ произведеній Державина изъ этой небольшой категоріи— категоріи одъ духовныхъ—показываетъ, какое они пріобрѣтали у него значеніе. Псалмы, ихъ переложеніе, въ первоначальной своей редакціи, не были только отраженіемъ его глубокаго религіознаго чувства, не были тѣми формами творчества, каковыми они являлись для представителей риторической школы классицизма. Правда, во второй редакціи, которая попадала въ печать, многія черты ихъ непосредственности стирались, но сущность оставалась та-же. Псалмы, являясь отзвукомъ настроенія поэта въ данный моментъ, превращались у него въ произведенія общественнаго характера, часто въ политическіе (въ пониманіи того времени) памфлеты, какъ и его торжественныя оды. Это особенно ярко выступаетъ, когда мы подойдемъ къ нимъ не съ спеціальной религіозной точки зрѣнія, а сопоставимъ ихъ съ фактами его личной, общественной и государственной жизни, все богатство матеріала которой дано имъ въ своемъ освѣщеніи въ «Запискахъ», — когда ихъ сопоставимъ и съ рукописными редакціями, часто отдѣльными словами, штрихами дающими иное освѣщеніе произведенію. Я. К. Гротъ въ своемъ трудѣ скупъ на то и на другое.

1) Къ стихамъ 10-мъ есть варианты, неприведенные у Я. К. Грота:
строфа II, ст. 10—да не позыблется на тронѣ полвселенны
— III — 10 *и згинуть съ лица земли твоей рукою
— IV — 10 И мы вспоемъ въ тебѣ царя надъ цѣлымъ свѣтомъ.

Рукописныя редакціи его интересовали мало въ силу высказанныхъ имъ соображеній въ Предисловіи (т. I), а реальный комментарий онъ въ большинствѣ ограничивалъ филологическими примѣчаніями къ стихотвореніямъ.

Между тѣмъ въ свое время эти «духовныя» произведенія Державина разсматривались иначе. Исторія съ печатаніемъ переложенія 81-го псалма указываетъ, что въ немъ видѣли и политическую тенденцію. Еще болѣе говоритъ за это ода «властителямъ и судьямъ». И цензура того времени очень чутко относилась къ этимъ произведеніямъ Державина. Можно напомнить для иллюстраціи этого на скрытую полемику Державина съ цензоромъ по поводу произведенія «Безсмертіе души»¹⁾. И въ этомъ произведеніи, въ VIII его строфѣ цензоръ нашелъ намекъ на «пророковъ политическихъ системъ съ счастливыми догадками». Такое пониманіе цензора вызвало рѣзкій отпоръ ему со стороны Державина²⁾.

Такіе факты очень характерны и показательны для «духовныхъ» произведеній Державина. Современники въ нихъ видѣли намеки на событія тогдашней жизни—и были правы.

III.

Оды Державина, направленные къ опредѣленной цѣли—рисовать идеалъ общественной, политической жизни и дѣятельности, далеко не исчерпываютъ содержанія его поэзіи. Правда, имъ онъ придавалъ большое значеніе,—онъ былъ въ этомъ отношеніи послѣдователемъ опредѣленной теоріи поэзіи, господствовавшей и въ XVIII и еще въ XIX вѣкѣ у насъ. Для него важно, конечно, было, «чтобъ сказали:

Онъ вѣрно любитъ добродѣтель,
Что пишетъ ей свои стихи»³⁾.

И онъ трогалъ «поученьемъ сердце»⁴⁾.

1) Гротъ, т. II (1865 г.), стр. 1—11.

2) Замѣчанія цензора въ примѣчаніяхъ къ одѣ. Отвѣтъ Державина — Гротъ, т. IX (1883), стр. 250.

3) Гротъ, т. I (1864), стр. 20.

4) Ibid., стр. 431.

Но едвали это для него было существомъ поэзіи, какъ таковой: Это, скорѣе, ея прикладная цѣль, отзвукъ гражданскаго чувства, и, конечно, дань,—можетъ быть, невольная,—литературной традиціи.

Для него поэзія,—скорѣе,—была отзвукомъ его личнаго чувства. Воспитанный на классическихъ поэтахъ, тонко и глубоко воспринимавшій духъ ихъ поэзіи, Державинъ рано началъ платить дань любовной лирикѣ. Трудно сказать, въ сущности, какого рода произведеній у него больше—дидактическихъ или же личнаго чувства. Только привычка къ первому роду его произведеній, впитанная большинствомъ со школьной скамьи, только тираннія стихотворенія «Памятникъ»,—заставляетъ часто отрѣшаться отъ Державина поэта во всемъ объемѣ.

Между тѣмъ еще въ раннюю пору своей дѣятельности Державинъ, обращаясь къ «Ключу», писалъ:

Ты чистъ—и восхищаешь взоры,
Ты быстръ—и утѣшаешь слухъ;
Какъ серна скачуща на горы,
Такъ мой къ тебѣ стремится духъ,
Желаньемъ цѣть тебя горящій¹⁾.

И онъ завидуетъ поэту, вкусившему чистой воды «Ключа» (Горацію):

Сгорая стихотворства страстью,
Къ тебѣ я прихожу ручей:
Завидую пѣнта счастью,
Вкусившаго воды твоей,
Парнаскимъ лавромъ увѣнчанна.
Напой меня, напой тобою,
Да воспую подобно я,
И съ чистою твоею струею
Сравнится въ пѣсняхъ мысль моя
А лирный гласъ съ твоимъ стремленьемъ²⁾.

1) 1779 г. т. I, стр. 78.

2) Ibid., стр. 79—80.

Впоследствии онъ и точнѣе опредѣлитъ характеръ своей музы (1791 г.):

Небеса, вземлите
Чистый сердца жаръ
И съ высотъ пошлите
Пѣсенъ сладкій даръ.
О мольба прилежна!
Какъ роса, взнесись:
Къ намъ ты, Муза нѣжна,
Какъ зефиръ спустись»¹⁾.

Съ этого года (1791) можно отмѣтить въ поэзи Державина, какъ фактъ совершившійся, сильную тенденцію въ сторону анакреонтической поэзи. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше пробуетъ свои силы поэтъ въ этомъ родѣ: все больше и больше проникается онъ духомъ греческой поэзи. На одномъ изъ рисунковъ къ его стихотвореніямъ (1795 г.) мы находимъ на лирѣ сидящаго соловья. Сверху рисунка слова: «отважно, быстро, плавно, кратко»²⁾. Этотъ рисунокъ—иллюстрація словъ стихотворенія:

О, если бы одну природу
Съ тобою взялъ я въ образецъ,
Воспѣлъ боговъ, любовь, свободу:
Какой-бы славный былъ пѣвецъ!
Въ моихъ бы пѣсняхъ жаръ и сила
И чувства были вмѣсто словъ;
Картину, мысль и жизнь явила
Гармонія моихъ стиховъ»³⁾.

Въ этомъ программа поэтической дѣятельности Державина, какъ лирика личнаго чувства. Особенно ярко—это стремленіе въ своей поэзи сочетать жаръ и силу чувства со словами, въ гармоніи стиховъ дать кар-

1) Ibid., стр. 365.

2) Ibid., стр. 696.

3) Ibid., стр. 695.

тину мысли и жизни сказалося въ одномъ изъ стихотвореній, какое находимъ неоконченнымъ въ его рукописяхъ¹⁾.

Стихотвореніе написано начерно, на отдѣльномъ полулистѣ, съ большими поправками. Заголовокъ его—«Поэзія».

«Спѣчатокъ творческаго духа
 (отблѣскъ) отливъ премудрости лучей
 ума согласье, ока, слуха,
 эмпирной сладости ручей
 Поэзія,— глаголь небесны
 Коль плоти бы органы тесны
 Могли издать твой полный строй
 Я бѣ создалъ новый міръ тобой.

Слѣдующая строфа зачеркнута Державинымъ въ рукописи. Но и она характерна для выясненія его отношенія къ поэзіи:

богиня пламѣнныхъ мечтаній
 воображенье на крылахъ
 могуща въ долній зданій
 въ злѣтать и жить во временахъ
 минувшихъ днешнихъ быть могущихъ
 кто серафимны огнѣ сущи
 многоочнихъ крылъ со тьмой
 могъ зрѣть (темь) да питался (?) образъ твой

То чувство восхищенія, восторга, которымъ проникнуто все это стихотвореніе,—можетъ быть, утратившее бы при бѣловой переработкѣ всю непосредственность свою,—показываетъ, какъ Державинъ стремился къ этому роду поэзіи, какъ мечталъ онъ о созданіи этого новаго мира личной жизни, личнаго чувства, чѣмъ полна была его душа. Недаромъ онъ

1) Рукописи Державина Имп. Публ. Библиотеки № 2-й. Послѣ этихъ двухъ строфъ слѣдуетъ новая черновая работа надъ первой строфой съ помѣтками размѣра стиха:

√ √ √ | √ √ √ | √ √ √
 духа от | ливъ иль впе | ча тлѣ нье
 √ √ √ | √ √ √
 творче ской му дро сти свѣ ча и т. д.

такъ увлекался и поэзіей «Сафо». Въ ней, въ ея страстной поэзіи огнь нашель отзвукъ своего чувства:

О, если бы я былъ Фаономъ
И пламень твой мою бѣ жегъ кровь:
Твоимъ бы страстнымъ пылкимъ тономъ
Я описалъ свою любовь»¹⁾).

Увлеченіе поэзіей Сафо сказалось въ томъ отношеніи къ ея одѣ, какое мы можемъ наблюдать по рукописямъ поэта.

Переводъ оды «Сафо» Я. К. Гротъ отнесъ къ 1797 году. Насколько это основательно, судить трудно въ виду того, что Я. К. Гротъ не сообщаетъ о мотивахъ и основаніяхъ для приуроченія стихотвореній къ тому или другому году²⁾. Въ Казанской рукописи это стихотвореніе датировано 1780 годомъ³⁾. Къ этому году можно уже отнести знакомство и увлеченіе Державина поэзіей «Сафо». Въ дальнѣйшемъ онъ нѣсколько разъ возвращается къ ея одѣ, пока ода не выльется въ изд. 1808 года въ определенную форму.

Я. К. Гротъ въ изданіи сочиненій Державина (т. II, стр. 39—44) даетъ четыре редакціи этого стихотворенія:

I—по Гроту «первый переводъ»—стр. 39—41.

II—по Гроту «второй переводъ»—стр. 42—43.

III—текстъ черновой рукописи—стр. 42 примѣчаніе № 1.

IV—текстъ «Аонидъ»—стр. 42, примѣчаніе № 2.

1) 1794 г. Гротъ, т. I (1864 г.), стр. 583.

2) Нѣкоторую иллюстрацію иногда довольно произвольной хронологіи произведеній Державина въ изд. Я. К. Грота мы можемъ найти въ рукописи Казанскаго Университета «Анакреонтическія пѣсни» (см. Вѣстникъ образованія и воспитанія. Казань 1916 г. №№ 5—6, статью «Музейныя памяти о Державинѣ въ Казани»). Изъ рукописей Публ. Библіотеки приведу такой примѣръ: Стихи «На медальонъ гр. Браницкой» (т. III, стр. 360 № LIV), напечатанные по рукописи, Я. К. Гротъ относить къ 1796 году. Между тѣмъ въ рукописи это стихотвореніе—иначе нѣсколько и озаглавленное,—датировано 1795 годомъ. Заголовки Я. К. Грота также не всегда соотвѣтствуютъ рукописямъ, что очень затрудняетъ свѣрку рукописнаго матеріала съ напечатаннымъ.

3) Вѣстн. Обр. и Восп. статья: «Музейныя памятки о Державинѣ въ Казани».

Датируются эти переводы такъ:

I—относится къ 90-мъ годамъ. Напечатанъ онъ въ изд. 1808 г. ч. III. CV. Сдѣланъ съ французскаго (стр. 41 прим.)

II—отнесенный Державинымъ къ 1797 году. Переводъ съ греческаго (стр. 42 прим.)

III—рукописный Гротомъ не датированъ, лишь примѣчаніе на стр. 41 даетъ право думать, что его Гротъ относилъ къ 1790 гг.

IV. — въ «Аонидахъ» ода напечатана въ 1797 году (кн. II, стр. 244).

Этотъ распорядокъ, принятый Я. К. Гротомъ, не совсѣмъ точенъ. Прежде всего—рукописныхъ редакцій этой оды—не двѣ, какъ указано у Грота (стр. 42), а шесть. Изъ нихъ: *одна*—изъ тетради Казанскаго Университета, каковую тетрадь Я. К. Гротъ относитъ къ 1797—1798 гг.¹⁾

II—рукопись на отдѣльномъ листѣ, помѣченная цифрою 12—близкая къ тексту «Аонидъ».

III—на полулистѣ писчей бумаги находимъ еще *четыре* редакціи этой оды 1) зечеркнутая, близкая къ Гротовскому I переводу, 2) исправленная и передѣланная предыдущая редакція—3) текстъ близкій къ Гротовской черновой редакціи и 4)—тоже, но съ поправками.

Есть неточность у Я. К. Грота и въ распорядкѣ печатнаго текста этой оды

1. На первомъ мѣстѣ, конечно, необходимо поставить, какъ наиболѣе ранній печатный текстъ—текстъ «Аонидъ», помѣщенный Гротомъ въ примѣчаніи—это 1797 года.

2. На второмъ мѣстѣ необходимо поставить тотъ переводъ, который Я. К. Гротъ обозначилъ «вторымъ переводомъ». Этотъ текстъ мы нахо-

1) Гротъ, т. I (1864), стр. XV; т. II (1865), стр. VII и 234. Соображенія Я. К. Грота въ послѣднемъ случаѣ (стр. 234) болѣе вѣрны, ибо часть стихотвореній Казанской рукописи (л. 69—69) написаны позднѣйшимъ почеркомъ и не входятъ въ нумерацію первыхъ стихотвореній (л. 1—63). Возможно, что послѣднія три стихотворенія приписаны въ тетрадь и въ 1802 году. (См. «Музейныя памяти о Державинѣ въ Казани». Вѣстн. Обр. и Восп. 1916, на 5—6).

дямъ въ изд. 1804 г. ¹⁾ съ опечатками. Въ изданіи 1808 года онъ съ исправленіемъ опечатокъ былъ перепечатанъ ²⁾).

3. На третьемъ мѣстѣ надо поставить переводъ, обозначенный Я. К. Гротомъ «первымъ переводомъ». Этотъ переводъ впервые напечатанъ въ изд. 1808 года съ заголовкомъ: «Софы второй переводъ» ³⁾. Почему его Я. К. Гротъ назвалъ «первымъ» переводомъ, — остается необъяснимымъ.

Тоже нужно сказать и относительно заголовка оды. Ни въ рукописяхъ, ни въ печатныхъ изданіяхъ мы не находимъ «Изъ Сафо», — вездѣ ода озаглавляется: «Сафо».

Такимъ образомъ мы имѣемъ всего *девять редакцій* этой оды. Изъ нихъ — шесть рукописныхъ и три печатныхъ.

Уже одно это количество указываетъ на то вниманіе, какое сказалъ Державинъ знаменитой поэтессѣ. Въ ея произведеніи, несомнѣнно, онъ нашель отзвукъ своего личнаго чувства, той страсти нѣжной, какою онъ воспылалъ къ «Бастидоновой дѣвицѣ» и какую питалъ къ своей первой женѣ ⁴⁾. Потерю ея онъ и оплакивалъ своимъ обращеніемъ къ Сафо:

Какъ ты свою, такъ я Пльиры
Изобразилъ бы жизнь и смерть ⁵⁾).

Въ это время (1794 г.) Державину было извѣстно стихотвореніе «Сафо», но перевелъ онъ его гораздо раньше. Казанская рукопись даетъ намъ дату 1780 года. Правда, эта рукопись составилаь позднѣе; въ ней мы находимъ произведенія 1797 — 98 годовъ, но свидѣтельству самого автора мы не имѣемъ основаній не вѣрить.

Не имѣемъ основаній не вѣрить въ силу фактовъ литературной жизни Державина. Интересъ къ древне-классической поэзіи у него можно замѣтить

1) «Анакреонтическія пѣсни». Въ Петроградѣ 1804 года, стр. 103 № LXI. «Сафо». Въ оглавленіи читаемъ: «LXI. Сафо. Переводъ извѣстной первой оды Главной Сафы».

2) Сочиненія Державина, ч. III. Въ Санктпетербургѣ 1808 года, стр. 118 № LXIII.

3) Ibid., — № CV. стр. 191. «Сафы второй переводъ».

4) Ibid., т. VI (1870), стр. 544—545.

5) Гротъ, т. I (1864), стр. 583.

уже въ началѣ его поэтической карьеры. Пользовался ли онъ въ данномъ случаѣ оригиналами произведеній, или ихъ переводами—трудно сказать, но духъ Анакрсона виталъ въ поэзіи Державина еще въ 70-хъ годахъ¹⁾. Въ раннихъ его произведеніяхъ находимъ отзвуки и поэзіи «Сафо». Увлеченный въ 1778 году «Бастидоновой дѣвицей», онъ пишетъ ей стихи:

Хотѣлъ бы похвалить, но чѣмъ начать, не знаю:
Какъ роза ты нѣжна; какъ ангель хороша;
Пріятна, какъ любовь; любезна, какъ душа:
Ты лучше всѣхъ похвалъ: тебя я обожаю²⁾—

стихотвореніе—полное любовнаго восхищенія въ рукописи оно имѣло очень характерную заключительную строфу:

О сладостный восторгъ! какъ изъяснить? не знаю:
То хладъ по мнѣ бѣжить, то весь горю въ огнѣ!
Плѣнира!—слабишь взоръ, даешь ты руку мнѣ!
Счастливый смертный я!... лобзаю!... обмираю!...³⁾

Это, въ сущности, ничто иное, какъ послѣдняя строфа оды Сафо, которую Державинъ въ это время уже зналъ. Эта строфа ещё далека отъ оригинала,—она вольный переводъ,—можетъ быть, переводъ съ какого-нибудь иностраннаго перевода. Есть преданіе, что впервые эту оду Державинъ переводилъ съ французскаго перевода Боало⁴⁾. Для XVIII вѣка такой переводъ поэта не съ оригинала, а съ чужой передачи возможенъ. Для Державина это тоже допустимо, если принять во вниманіе, что его Плѣнира увлекалась французскими писателями⁵⁾, что въ этомъ отношеніи послѣ она была и помощницей своему мужу, не такъ уже свободно владѣвшему французскимъ языкомъ⁶⁾. При существованіи

1) См. Гротъ, т. II (1865), стр. 70 (примѣчаніе), 69—72; т. I (1864), стр. 511—517; 588—590, т. VIII (1880), стр. 756—760.

2) Гротъ, т. I (1864), стр. 58.

3) Гротъ, *ibid*, стр. 59, примѣчаніе.

4) Гротъ, т. II (1865), стр. 39, примѣчаніе.

5) Гротъ, т. I (1864), стр. 58, примѣчаніе.

6) Гротъ, т. IV (1871), стр. 614, 694, т. I (1864); стр. XIII; т. VIII (1880), стр. 283.

этого отрывка это преданіе получает реальное значеніе, тѣмъ болѣе что есть данныя, указывающія и еще на болѣе ранній переводъ оды, восходящей даже къ 1776 году¹⁾.

Переводъ 1770-хъ годовъ, возможно, и не сохранился въ рукописяхъ, но сохранился въ авторской датѣ, какъ переводъ 1780 года.

Впослѣдствіи же Державинъ, подъ влияніемъ Н. А. Львова, снова переводитъ оду, примѣняя тотъ же методъ, какъ и Н. А. Львовъ. Это было въ 1790 годахъ.

Трудно установить генеалогическую таблицу рукописныхъ редакцій, особенно имѣя смутное указаніе на оригиналь. Только печатные тексты нѣсколько помогутъ въ этомъ отношеніи.

Въ первый разъ «Сафо» было напечатано въ Аонидахъ 1797 года. Текстъ «Аонидъ» данъ Я. К. Гротомъ²⁾. Среди рукописей мы находимъ двѣ редакціи, близкія тексту «Аонидъ».

I. Первая редакція, — совпадающая съ текстомъ черновой рукописи, приведенной у Я. К. Грота³⁾, — даетъ такой текстъ оды:

Блаженъ богамъ подобенъ тотъ
кто сидя напротивъ внимаетъ
гласъ сладкій устъ твоихъ—и ахъ
 улыбку милую любви!
Я вижу то—и сердце бьетъ
мнѣ въ грудь сильнѣй, гласъ исчезаетъ,
языкъ не движется въ устахъ
 и быстрый огонь бѣжитъ въ крови.
Темнѣютъ взоры, шумъ въ ушахъ
холодный потъ по тѣлу ошущаю;
дрожу, блѣднѣю, (*будто) я какъ злакъ
 (*безъ чувствъ паду и умираю)
 паду безъ чувства—умираю⁴⁾.

1) Гротъ, т. VIII (1880), стр. 245.

2) Гротъ, т. II (1865), стр. 42, примѣч. 2.

3) Ibid., примѣчаніе 1.

4) У Грота (стр. 42—1) иная передача стиха 10-го.

Переводъ въ цѣломъ, повидимому, удовлетворялъ поэта. Неудовлетворяетъ онъ насъ—и наивной передачей ощущеній, внутреннихъ переживаній, какъ напр., «гласъ исчезаетъ», или: «языкъ не движется въ устахъ», или: «холодный потъ по тѣлу ощущаю». Слишкомъ обыденны понятія, слишкомъ, просты, незамысловаты,—можно сказать,—грубы образы для сложнаго психологическаго момента страсти. Неудовлетворитъ насъ также и грубо конкретная картина стиха 2-го: «кто сидя напротивъ внимаешь», особенно при дальнѣйшемъ, когда поэтъ говоритъ объ убыткѣ милой любви (стр. 4). Можетъ быть, это и близко къ подлиннику: ὄστις ἐναντίος τει ἴσχει, но наивно-грубо. Неудовлетворитъ, конечно, и стихъ передачи. Во всякомъ случаѣ такая передача изящнаго оригинала греческой поэтессы не даетъ картины той всепроникающей страстности, какой обвѣяно произведеніе «Сафо».

Но поэту, незнакомому съ оригиналомъ, трудно постигнуть пафосъ произведенія. При простой подстрочной замѣнѣ словъ онъ не уловимъ, и Державинъ, обрабатывая его, оставляетъ общій строй оды, общій ея характеръ и въ другой рукописи обращаетъ вниманіе на частности.

II. Вторая рукопись, —тоже черновая, —даетъ къ предыдущей редакціи лишь варианты. Такъ, поэтъ пытается варіировать стихъ 8-й;—его мы находимъ въ слѣдующей редакціи:

«и быстрый (*жаръ) огонь бѣжитъ въ крови»,

гдѣ слово «жаръ» должно было замѣнить собою «огонь»,—но это было оставлено и самимъ авторомъ, какъ дѣйствительно, въ высшей степени неудачная замѣна, еще болѣе низводившая высокое чувство на степень грубой обыденщины.

Болѣе удачную редакцію мы находимъ въ этой переработкѣ къ стиху 10:

«(*холодный потъ) по тѣлу мразъ я ощущаю», гдѣ чисто физиологическое обозначеніе: «холодный потъ» уничтожается и замѣняется,—можетъ быть, неудачнымъ по формѣ,—но болѣе соответствующимъ характеру произведенія: «мразъ».

Передѣланъ нѣсколько въ этой редакціи и послѣдній стихъ (12). Въ новой передачѣ онъ читается:

«паду безъ чувства, падши умираю».

Здѣсь прибавлено слова: «падши». Слово, пожалуй, и лишнее, важное только для точности. И съ этой точки зрѣнія оно мѣшаетъ силѣ впечатлѣнія и даже опять говорить скорѣе о наивности передачи душевнаго состоянія.

Но это только черновая работа. Въ печать она не попадетъ. Но она характерна. Она уже опредѣляетъ методъ перевода. Здѣсь нѣтъ проникновенія повосомъ оригинала. Здѣсь чувствуется не мастеръ, а кустарь перевода. Можно даже сказать, что такой переводъ возможенъ лишь при условіи пользованія самымъ элементарнымъ словаремъ: зависимость отъ него чувствуется, авторъ передаетъ слова, но не общее настроеніе.

III. Въ печатномъ текстѣ «Аонидъ»—1797 года мы находимъ переработку новую, часто измѣняющую совершенно образы первой передачи произведенія. Приведу ее:

Блаженъ подобно тотъ богамъ,
Кто близъ тебя, и страстно въ разговорахъ
Внимаетъ сладостнымъ твоимъ устами
И улыбанію во взорахъ!
Увижу я сіе,—и вмигъ
Волнуетъ кровь, дыханіе тѣснится,
Языкъ не движется въ устахъ моихъ
И быстрый огонь по мнѣ стремится.
Во слухѣ шумъ, во взорахъ мракъ,
По тѣлу хладъ текущей ощущаю,
Дрожу, блѣднѣю, вяну, будто злакъ,
И бездыханна умираю¹⁾).

Непереработанными остались только стихи 7—8 и 11. Остальные подверглись измѣненію, въ большинствѣ, сгладили тѣ грубоватыя штрихи, которыми характеризуются черновыя редакціи. Нѣтъ и искусственности въ положеніи лица—слово «напротивъ» замѣнено болѣе подходящимъ: «кто близъ тебя». Вся эта картина первой строфы дается въ вѣрныхъ очертаніяхъ: здѣсь уже чувствуется жизненность настроенія

1) Гротъ, т. II (1865), стр. 42, примѣчаніе 2.

увлеченнаго человѣка. Правда, эта картина еще тяжеловато написана, встрѣчаемъ и «сладостныя уста» и «улыбаніе взоровъ», но это уже характеръ красокъ, а не по существу переживаній. Болѣе удачной замѣной представляется и стихъ 5—6, гдѣ краткое обозначеніе «волнуетъ кровь» устраняетъ длинноты первой редакціи: «и сердце бьетъ мнѣ въ грудь сильнѣй». Устраняется и наивное: «гласъ исчезаетъ» (ст. 6). Вообще эта часть оды получаетъ болѣе тонкую шлифовку, болѣе удачно передавая психологію страсти.

Нельзя сказать того-же про стихи 9—12. Такая редакція, какъ «Во слухѣ шумъ», «во взорахъ мракъ», ст. 10,—наконецъ,—«бездыханна» опять насъ возвращаетъ къ той же наивной грубости передачи, какую находимъ въ рукописныхъ редакціяхъ, и эта строфа (3) оды текста «Аонидъ» не можетъ считаться удачной замѣной. Она еще говоритъ о неотдѣланности переложенія, о зависимости поэта отъ словарнаго матеріала, а—отсюда—о искусственности, неестественности произведенія.

IV. И Державинъ снова принимается за передѣлку оды. Вънѣшнимъ фактомъ въ данномъ случаѣ была, можетъ быть, подготовка матеріала для изданія анакреонтическихъ пѣсень, планъ котораго возникаетъ у него въ концѣ 90-хъ годовъ¹⁾. Среди рукописей мы находимъ и передѣлку оды «Сафо» на отдѣльномъ листѣ. Эта рукопись производитъ впечатлѣніе, именно, передѣлки редакціи оды, помѣщенной въ «Аонидахъ». Текстъ этой передѣлки слѣдующій:

Блаженъ, богамъ подобенъ тотъ
 кто близъ сидитъ и (въ) разговор(ахъ)овъ
 гласъ устъ твоихъ сладчайшій пыётъ,
 и милую (милую) (во) взор(ахъ)овъ
 улыбку
 (Лишь вижу я сіе и въ мигъ)
 Увижу я сіе и въ мигъ
 взволнуетъ сердце, грудь стеснится,
 прильнетъ языкъ въ устахъ моихъ
 и (быстрый огонь) молнія во мнѣ струится.

1) Гротъ, т. I (1864). стр. XIX—XX.

(туть шумъ въ ухахъ, во взорѣ мракъ)
Во слухѣ шумъ, во взорахъ мракъ,
цо тѣлу хладъ я ощущаю:
дрожу, бледнѣю (будто) и какъ злакъ,
паду безъ чувства, умираю.

Последняя строфа даетъ новыя попытки редактированія, но въ общемъ картина остается таже. Первые двѣ строфы перерабатываются заново. Въ первой строфѣ нѣтъ ни «сладостныхъ усть», ни «улыбанія во взорахъ». Обработка идетъ въ сторону естественности изображенія психологическаго момента, въ особенности это сказывается въ поправкахъ стиховъ 2—4. Тоже нужно сказать и о ст. 6, гдѣ слово «сердце» лучше передаетъ душевное состояніе, а весь стихъ ближе передаетъ оригиналъ (*τό μοι μαν καρδίαν ἐν στήθεσιν ἐπτῶσεν*). Вторую строфу отдаляетъ отъ оригинала не совсѣмъ удачная замѣна прежняго текста:— «и быстрый огонь» словомъ: «и молнія». Но въ общемъ въ этой редакціи мы уже находимъ большой шагъ впередъ въ дѣлѣ передачи душевнаго настроенія,— и можно отмѣтить, какъ мало по малу поэтъ схватываетъ сущность паюса оригинала, какъ постепенно онъ и во внѣшнихъ формахъ подходитъ къ нему.

Ярче послѣднее выступаетъ, когда мы, какъ слѣдующую стадію передѣлки, возьмемъ редакцію рукописи Казанскаго Университета.

V. Рукопись Казанскаго Университета—собраніе всѣхъ анакреонтическихъ пѣсень Державина. Ихъ изданіе поэтъ замышлялъ еще въ концѣ 90-хъ гг. XVIII в.,—здѣсь мы находимъ стихотворенія 1797—98 гг. но осуществить изданіе имъ ему не пришлось. Только уже послѣ окончательной отставки изданіе вышло—въ 1804 году. Этимъ объясняется появленіе здѣсь и позднѣйшихъ (послѣ 1798 г.) стихотвореній, этимъ объясняется и разница почерка въ концѣ тетради (съ л. 63) и отсутствіе нумераціи при послѣднихъ пѣсняхъ тетради¹⁾. Подготовляя пѣсни къ

1) См. Вѣстн. Образ. и Восп. Казань 1916 г., кн. 5—6, статья «Музейныя памятки о Державинѣ въ Казани».

изданію, поэтъ нѣкоторыя изъ нихъ перерабатываетъ заново, до неузнаваемости. Коренной переработкѣ подверглась и ода «Сафо», даже и оставленная, какъ и нѣкоторыя другія пѣсни, въ своемъ черновомъ видѣ. Ода въ Казанской рукописи имѣетъ такой видъ:

Блаженъ! (богамъ подобенъ тотъ) подобенъ тотъ богамъ
 (кто близъ сидитъ и въ разговорахъ)
 кто близъ сидитъ къ своей прекрасной
 (изъ устъ твоихъ гласъ (сладчайшій) сладкій пыѣтъ)
 внимаешь сладостнымъ грезамъ
 улыбкой страстною во взорахъ
 и милую улыбку взоровъ
¹⁾ и въ очахъ улыбкой страстной.

Увижу я сіе? и въ мигъ
 возволнуетъ сердце, грудь стѣсняетъ
 (становится рѣчь, немѣетъ)
 прильнетъ языкъ въ устахъ моихъ
 (и быстрый огонь какъ молнія по мнѣ стремится)
 и быстрый огонь по мнѣ стремится.

По слуху шумъ, по взору мракъ
 по тѣлу хладъ я ощущаю
 дрожу, блѣднею (будто) и какъ злакъ
 паду безъ чувства умираю.

Работа идетъ сильная—особенно въ первыхъ двухъ строкахъ: старый текстъ (ст. 2, 3, 4) замѣняется новымъ: «кто близъ сидитъ къ своей прекрасной (ст. 2)—передаетъ ближе сущность оригинала. Лучше передается оригиналь, — если не во внѣшности, то по духу, — въ ст. 3—4 (καὶ πλασίον ἄδῃ φωνεῖσας ὑπακούει καὶ γελαίσας ἱμερόεν), особенно въ редакціи: «и въ очахъ улыбкой страстной». Вторая строфа даетъ попытку измѣнить старую редакцію, но въ концѣ концовъ она остается и даже возстанавливается ст. 8 по 3-й редакціи (λεπτόν δ' αὐτίχα χροῦ πῦρ ὑπαδεδρόμαχεν), какъ болѣе близкій къ оригиналу и болѣе прием-

1) — слово неразобрано

лимый съ точки зрѣнія естественности. Ст. 1 строфы 3-ей дается въ новой формулировкѣ, едва ли удачной по существу, но нивелированной по формѣ со стихомъ 2-мъ (по слуху... по взору... по тѣлу).

Въ Казанской рукописи редакція перевода осталась незаконченной (1 и 2 строфы). Поэтъ переработалъ ее заново для печати, какъ и всѣ остальные пѣсни данной рукописи.

VI. Новую редакцію мы и находимъ въ изданіи 1804 года «Анакреонтическихъ пѣсенъ»¹⁾. Эту редакцію Я. К. Гротъ даетъ въ качествѣ «второго перевода» оды²⁾. Отъ предшествующей редакціи въ немъ осталась лишь непереработанной 3-я строфа,—измѣненія внесены въ нее редакціонныя (ст. 10 и 12). Но строфы 1 и 2-я перерабатываются. Отмѣчу удачную переработку ст. 2—3, строфы 2-ой («трепещетъ сердце»... «нѣметъ рѣчь», особенно послѣднее—вм. «прильнетъ языкъ»). При этой замѣнѣ 2-я строфа представляется болѣе проработанной въ сторону естественности изображенія и формы. Но измѣненія 1-й строфы, особенно эта причастная форма, повторяющаяся два раза въ сосѣднихъ стихахъ (2 и 3), слово «подобится», выраженіе: «сладчайшимъ внемлющій устамъ»—дѣлаетъ обычную картину не совсѣмъ удачной. Поэтъ какъ бы возвращается къ первымъ редакціямъ перевода. Правда, можемъ отмѣтить экономію словъ, но она идетъ въ ущербъ естественности рѣчи.

Въ такомъ видѣ ода перепечатывается и въ изданіи 1808 года³⁾, безъ перемѣнъ. Туже редакцію стр. 2 и 3-ей мы находимъ и въ «Разсужденіи о лирической поэзіи» (напечатано въ 1811 г.), гдѣ эта ода приведена, какъ примѣръ «страстнаго вдохновенія»⁴⁾. Цитированіе этого, именно, перевода въ «Разсужденіи» еще болѣе отмѣняетъ не совсѣмъ удачную группировку переводовъ въ изд. Я. К. Грота.

1) Упом. изданіе, стр. 103. Ода напечатана съ корректурными промахами въ ст. 2 и 6, что и исправлено въ приложенномъ къ изданію перечнѣ опечатокъ.

2) Гротъ, т. II (1865), стр. 42—43.

3) Упом. изданіе, ч. III, стр. 118.

4) Цитирую по изд. Я. К. Грота—т. VII (1872 г.), стр. 527. Въ «Разсужденіи» находимъ новый вариантъ къ ст. 58: «Увижу ль съ нимъ тебя,—и вмигъ».

Этимъ работа надъ одой какъ бы заканчивается. Ода удовлетворяетъ поэта, онъ печатаетъ ее въ такомъ видѣ. Послѣ долгаго и упорнаго труда—слово за словомъ, стихъ за стихомъ,—поэтъ подходитъ къ оригиналу не только въ пониманіи пафоса, но и въ изображеніи его. Моментъ страсти дается въ такихъ очертаніяхъ, которыя не могутъ заслужить упрека въ неестественности: «видъ страстнаго вдохновенія», какъ обозначилъ онъ пафосъ 2 и 3 строфъ въ «Разсужденіи»,—ему удался. Лишь обстановка, въ которой развивается страсть (строфа 1), не совсемъ удачна: она въ окончательной редакціи вылилась въ форму, не совсемъ стилистически правильную.

Хронологически эту редакцію должно отнести къ 1804 году, когда она впервые появляется въ печати, а затѣмъ уже повторяется и въ изданіи 1808 г.

Но работа поэта надъ одой этимъ не ограничивается. Поэтъ и послѣ 1804 года работаетъ надъ одой, о чемъ говоритъ названный имъ въ изданіи 1808 года «вторымъ» переводъ стихотворенія «Сафо». Соответствующіе ему черновики мы находимъ въ рукописяхъ, написанные позднѣйшимъ почеркомъ.

VII. Первая редакція «второго» перевода въ рукописи дана въ такой формѣ:

Щастливъ! кто близъ тебя и по тебѣ вздыхаетъ
съ тобой бѣседуетъ, тебѣ внимаетъ самъ
тебѣ улыбкою взаимной отвѣчаетъ
подобенъ кажется въ блаженствѣ тотъ богамъ.

Тончайшій мразъ (хладъ) и огонь изъ жилъ текущи въ жилы
я чувствую въ тотъ мигъ когда тебя ни зрю
въ восторгахъ сладостныхъ я млѣю и горю
и словъ не нахожу и голоса и силы.

(въ отчаяньи мракъ мой взоръ объемлетъ вокругъ)
густая черна (тьма) мгла меня объемлетъ вокругъ
не слышу ничего не вижу и не знаю
вся млею, чуть дышу и въ иступленьи вдругъ
дрожу лишаюсь чувствъ—бледнею умираю.

Структура перевода здѣсь иная, нежели въ первой редакціи. Какъ уже отмѣчалось, въ первомъ переводѣ поэтъ шагъ за шагомъ идетъ за оригиналомъ, стремясь удержать и порядокъ стиховъ и порядокъ мыслей. Съ этой точки зрѣнія новый переводъ болѣе свободенъ. Во внѣшнемъ это сказывается въ нарушеніи порядка мыслей и стиховъ оригинала: въ 1-й строфѣ начальная мысль оригинала относится въ конецъ. Тоже самое— во 2-й строфѣ. Перемѣщаются мысли начальныхъ стиховъ и 3-ей строфы.

Полнѣе и ярче въ новомъ переводѣ царисована и картина душевныхъ переживаній. Это уже чувствуется въ 1-й строфѣ—въ обрисовкѣ обстановки. Здѣсь нѣтъ и искусственности, какъ въ первомъ переводѣ (см. VI), нѣтъ и той наивности изображенія. вмѣстѣ съ тѣмъ въ переводѣ сохранены нѣкоторые штрихи оригинала, исчезавшіе раньше,—напр., ст. 2-й (*καὶ πλασίον ἄδῳ φωνεῖσας ὑπακούει*), что вноситъ полноту, опредѣленность и естественность. Не менѣе въ этомъ отношеніи показательны и строфы 2 и 3-я, гдѣ также, при внѣшнемъ измѣненіи оригинала, сущность его паюса передается полнѣе и ярче. Стихотвореніе, дѣйствительно, даетъ понять то состояніе, которое онъ переживаетъ въ моментъ страсти.

Нѣтъ въ новомъ переводѣ и той дѣланности построенія фразъ, какъ въ первомъ. Освободившись отъ внѣшняго распорядка оригинала, поэтъ освобождается и отъ словарной зависимости.

Но эта редакція перевода его еще не удовлетворяетъ. Въ рукописи мы находимъ ее перечеркнутой. Онъ даже не дѣлаетъ исправленій, не пытается передѣлать ее, а зачеркиваетъ всю въ цѣломъ, чтобы заново передѣлать.

VIII. Такую передѣлку и находимъ на томъ-же полулистѣ послѣ предшествующей редакціи:

«Подобенъ кажется въ блаженствѣ тотъ богамъ,
кто близъ тебя сидитъ и по тебѣ вздыхаетъ,
съ тобой бѣседуетъ, тебѣ внимаешь самъ
улыбкою тебѣ взаимной отвѣчаетъ

Я чувствую въ тотъ мигъ (тончайшій огонь) когда тебя ни зрю
тончайшій огонь и мразъ изъ жилъ текущи въ жилы

въ восторгахъ сладостныхъ я млбю, вся горю,
ни словъ не нахожу ни голоса ¹⁾ ни силы .

густая темна мгла мой взоръ объемлетъ вокругъ
не слышу ни чего, не вижу и не знаю
въ оцепѣненнн чутъ дышу и въ иступлѣннн вдругъ
лишаюсь чувствъ, дрожу, бледнбю, умираю.

По существу въ этой редакціи передѣлокъ немного. Она является чисто редакціонной отдѣлкой, къ VII она стоитъ въ томъ же отношеніи, какъ и II—VI къ 1-й редакціи, т.-е. здѣсь работа деталей. Среди нихъ отмѣтить можно ст. 6, 7, 8, 12; въ 11 ст. уничтожается слово «млбю», какъ уже имѣющееся въ ст. 7. Но въ этой редакціи есть очень любопытная черта. Въ переработкѣ возстанавливается порядокъ оригинала, нарушенный въ предыдущей редакціи. Другими словами, въ послѣдующей обработкѣ, какъ и въ другихъ случаяхъ, поэтъ стремится ближе стать къ подлиннику, особенно это нужно сказать про первую строфу. Болѣе свободенъ поэтъ въ послѣдующихъ строфахъ, напр., во второй. Въ третьей онъ уже опять стремится удержать порядокъ мыслей оригинала.

IX. Въ такомъ видѣ ода попадаетъ въ изданіе 1808 года ²⁾, какъ «второй переводъ». Въ печатномъ текстѣ мы находимъ лишь нѣкоторые варианты:

- ст. 1—Щастливъ! подобится въ блаженствѣ тотъ Богамъ,
- 4—и сладкою твоей улыбкой тайно таетъ
- 5—я чувствую въ тотъ мигъ, когда тебя съ нимъ зрю
- 11—Въ оцѣпенѣннн едва дышу—и вдругъ

Изъ нихъ особенно интересенъ вариантъ стиха 4-го, если сопоставить съ текстомъ оригинала (*καί γελάισας ἰμερόεν*). Новая редакція даетъ новый оттѣнокъ, ближе отражающій смыслъ оригинала. Остальныя поправки—редакціонныя.

1) Въ рукописи описка: ни гола, вм. голоса.

2) Указанное изд. ч. III, стр. 191.

Въ «Объясненіяхъ» мы не найдемъ указаній на мотивы и причины появленія «второго» перевода при существованіи перваго. По существу этотъ «второй» переводъ—лишь дальнѣйшій шагъ въ общей работѣ поэта надъ одой «Сафо». Таковымъ онъ является и хронологически. Отдѣлять ихъ одинъ отъ другого можно лишь въ силу того, что такое разграниченіе сдѣлалъ самъ авторъ, напечатавъ оба перевода, или—лучше сказать,—обѣ редакціи въ одномъ изданіи (1808 г.).

Первые слѣды знакомства Державина съ одой «Сафо» мы можемъ отмѣтить въ 1778 году, даже еще и раньше. Въ то время ода для него была близка, родственна по личнымъ переживаніямъ: въ ней онъ нашелъ то, чѣмъ полна была его душа. На эту близость онъ намекаетъ и въ стихотвореніи 1794 года.

Личныя же переживанія онъ часто облекалъ въ чужую форму, въ чужую мысль, находя въ нихъ ту образность, ту силу чувства и мысли, какихъ, можетъ быть, въ данный моментъ не хватило у него самаго.

Дорогія, близкія воспоминанія лично-пережитаго сдѣлали, можетъ быть,—привлекательной и оду «Сафо»,—помимо общаго уклона поэта въ сторону этого рода поэзіи.

И въ теченіе 30 лѣтъ (1778—1808) поэтъ нѣсколько разъ переделываетъ оду, стремясь полнѣе, ярче, передать паѳосъ оригинала—то «страстное вдохновеніе», какъ его онъ обозначилъ въ «Разсужденіи о лирической поэзіи».

Первые переводы оды, отличаясь элементарностью передачи оригинала, характеризуются еще чисто ученическимъ отношеніемъ переводчика.

На первыхъ порахъ замѣтна зависимость поэта отъ словарнаго матеріала, отъ той внѣшней передачи текста, что избличаетъ пользованіе не подлинникомъ, а чужой передачей буквального смысла фразъ и словъ.

Но въ дальнѣйшемъ работа идетъ не только надъ внѣшней обработкой произведенія, но и надъ установленіемъ внутренняго соответствія перевода и оригинала.

Въ измѣненіяхъ, въ обработкѣ отдѣльныхъ стиховъ можно шагъ за шагомъ прослѣдить, какъ постепенно поэтъ проникаетъ въ сущность паѳоса, преодолевая все трудности, неизбѣжныя при незнаніи языка оригинала.

Этого онъ и достигаетъ, насколько можно при данныхъ условіяхъ и въ обстановкѣ XVIII вѣка, во «второмъ» своемъ переводѣ, каковой является высшей ступенью достиженія близости къ существу произведенія греческой поэтессы.

Въ предѣлахъ частныхъ вопросовъ, затронутыхъ въ настоящихъ очеркахъ, выясняется отчасти та роль, которую могутъ имѣть рукописи въ дѣлѣ изученія писателя. Дать какія-либо обобщенія въ этомъ направленіи, конечно, сейчасъ нельзя: слишкомъ много еще нетронутого матеріала; затронутый матеріалъ можетъ оказаться случайнымъ при той общей картинѣ, какая выяснится при детальномъ знакомствѣ съ рукописными богатствами во всемъ ихъ объемѣ. Данный матеріалъ долженъ служить лишь показателемъ, что поэтическое наслѣдство Г. Р. Державина подлежитъ новому обследованію. Знакомство съ рукописями можетъ поставить и новые вопросы и заставить пересмотрѣть нѣкоторые изъ старыхъ. Изученіе рукописей дастъ матеріалъ и для выясненія отдѣльныхъ сторонъ того или иного произведенія: часто поможетъ подойти къ реальной его основѣ, вскрыетъ работу поэта и т. д. И думается, что при новомъ изданіи сочиненій Державина, а необходимость его уже начинается чувствоваться, — рукописи будутъ введены, какъ необходимый элементъ научнаго комментарія.

Л. Ильинскій.

Петроградъ
25. X. 16.